

Игорь Филиппов

Маленький искатель приключений

Повесть о послевоенном детстве

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Игорь Андреевич Филиппов Маленький искатель приключений. Повесть о послевоенном детстве

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50185008

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-08005-8

Аннотация

Это третья книга капитана первого ранга в отставке, прослужившего в Военно-морском флоте СССР и России более тридцати лет. Автобиографическая повесть о послевоенном детстве расскажет о занимательных, а порой и смертельно опасных приключениях, в которые попадал любознательный подросток, о его взрослении, детской дружбе и большой любви к своему отцу – герою Великой Отечественной войны, самому молодому адмиралу в истории СССР. Все фотографии в тексте из семейного архива автора. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Предисловие	5
Часть первая. На развалинах Кёнигсберга	10
Глава первая. Я живу в Военно-Морском Училище!	10
Глава вторая. Заядлые рыболовы и охотники	55
Глава третья. Зимние забавы	127
Глава четвёртая. Индейцы, хулиганы и кладоискатели	151
Конец ознакомительного фрагмента.	169

...моим дорогим внучкам Софье и Анне Филипповым

Предисловие

Той памятной ночью я сидел у лесного костерка и ни о чем серьёзном не думал. Был конец апреля; три дня назад открылась весенняя охота. Постояв два вечера на тяге и взяв трех рыжих лесных куликов, решил сбегать на глухаря, послушать его весеннюю песню. Расстояние от деревни до токовища не более трёх километров. Это, если идти напрямую. А «по кривой», как обычно в лесу и ходят, мне пришлось сначала переправляться через реку, переходить по бобровой плотине затопленный участок леса, долго топать по сосновым буграм вдоль заброшенной лесной дороги, преодолевать топкое моховое болото. В общей сложности набежало километров семь бездорожья. Под конец, взойдя на сухой сосновый бугор, с радостью – как старого друга – встретил знакомое старое кострище. Расположенное в укромном месте, оно сообщило мне, что с весны прошлого года людей здесь не было. Этот ток знали многие, но уже давно – лет с десятков – он считался выбитым, поэтому местные охотники сюда не заходили. А ток без охотничьего пресса ожил, количество поющих петухов медленно увеличилось, и в эту весну слетелось на него около двадцати певунов. Это я понял на вечернем подслухе, подсчитав шумные посадки громадных птиц.

Вернувшись с подслуха к костру, раздул прикрытые золой угли и поставил котелок для чая. Пока он закипал, удоб-

но устроился на куртке, привалившись к мощному стволу старой сосны. Было очень тепло. Безветренно. Маленький костер почти не дымил; сухих сучьев хватало. От костра до края тока топать двадцать минут, вселявших уверенность, что чуткие птицы не заподозрят моего присутствия. Свет костра освещал небольшую полянку вокруг лагеря. Временами какая-нибудь сухая веточка вспыхивала особенно ярко; свет, казалось, пытался проникнуть подальше в лес, однако без особого успеха, только тени становились глубже. Где-то в глубине леса несколько раз ухнул филин, да с испугу в кроне сосны тенькнула разбуженная синичка...

Спать почти не хотелось. Искры костра, уносимые вертикально вверх, сначала ярко разгорались, потом – постепенно остывая – становились малиновыми и гасли в вышине, оседая пеплом. Иногда костер пыхал небольшим облачком дыма, возникшим от какого-нибудь мокрого сучка, подброшенного в костер по недосмотру; и тогда забавно было наблюдать, как дымок, завиваясь косами, подхватывал яркие искорки и, кружа в ночном вальсе, уносил особенно высоко, где искорки превращались в яркие звезды...

Так шло время. Чай был выпит, пара бутербродов съедена. Слегка дремалось, сказывалась усталость от преодоления весеннего бездорожья. В полудрёме вместе с искрами костра кружились обрывки воспоминаний, всплывали какие-то мысли, чудились чьи-то голоса... всё это вдруг обрывалось частыми пробуждениями... и уже было трудно сообразить,

где явь, а где сон...

Надо думать, в конце концов крепкий сон сморил меня. Иначе я не могу объяснить то, что пережил в эти несколько минут... Среди сна меня как будто что-то толкнуло, и я пробудился. Костер горел по-прежнему, но... его пламя замерло. Замерли искры над костром, замерли попавшие в световой круг ветки сосен, часы на руке не тикали, стрелки стояли, слившись в полночной точке. Остановившееся время застало врасплох писк синички, голосок которой бесконечно выпевал одну и ту же высокую ноту...

Рядом со мной сидел отец, вокруг костра удобно расположились люди. Масса людей. И всем хватало места, что меня почему-то совершенно не удивило. Приглядевшись пристальней, я обнаружил, что все эти люди хорошо мне известны; это были близкие и дальние родственники, друзья и знакомые. Холодок забрался за воротник, быстро пробежал по спине, оставив на коже трусливые пупырышки; развалившееся сознание отказывалось воспринимать невероятное: **всех этих, сидящих вокруг костра людей, давно не было на свете...** За отцом сидел мой родной брат, далее дядя, потом – мой самый близкий друг... У их ног лежали собаки, также давно ушедшие из жизни, в том числе и мои, дорогие и любимые... Все эти люди и собаки пристально и молча смотрели на меня. Не мигая. Словно вопрошая о чем-то. Казалось, что они-то знали ответ, тот единственный ответ, который только и может спасти их, и который именно я должен

понять и уяснить для себя. Но я, не в силах оторваться от их глаз, неподвижно, и в то же время пронзительно смотрящих на меня, бесконечно долго не мог уловить их просьбу...

Сердце омертвело. А потом в него острым ножом врезалось понимание. Понимание, чего хотят все эти феерические существа. Они хотели, чтобы я донес из глубин прошлого их мысли, чувства и поступки, причем все без исключения: мужественные и трусливые, честные и лживые... Чтобы сквозь время снова зазвучал их смех, проявились желания, мечты, любовь и ненависть... И только тогда, когда я расскажу об их жизни всем ныне живущим, разъясню, почему они поступали именно так, а не иначе, только тогда их души найдут вечное успокоение. И ещё я понял, что мне обязательно придется это сделать, даже, может быть, против собственной воли.

Сразу же, как только ответ был найден, замершее время снова пошло. Костерок выбросил дымный язычок, увлекший сноп искр вверх, закачались от слабого ветерка ветки сосен, маленькая синичка допищала свою музыкальную фразу до конца... Часы затикали; стрелки показали пять минут первого...

Существа растаяли... Я сидел у костра, пока он окончательно не затух, засыпавшись серым пеплом. Стало зябко. Быстро светало. Весенний лес разноголосо защебетал, на клюквенном болоте зачуффыкали тетерева, пролетел, простуженно хоркая, одинокий вальдшнеп. Где-то очень далеко прокричали журавли. В утреннем небе заголосили гуси. Ноч-

ное наваждение окончательно покинуло меня. Но память о нем осталась. Навсегда.

На ток я не пошел, а, неторопливо собравшись, потопал к дому, прикидывая в мыслях, о чем же мне написать свою первую повесть. Наверное, она должна быть о самых истоках моей жизни – о детстве, когда каждый день казался бесконечным, а все вокруг были ещё живы...

Часть первая. На развалинах Кёнигсберга

Глава первая. Я живу в Военно-Морском Училище!

Пробуждение. Загрубевшие от работы пальцы нежно касаются моей кожи.

— *Пора вставать!* - ласково гладит меня по щеке бабушка.

Игорь Филиппов, 5 лет. Июнь 1951 года

Мы все зовём её бабулей, даже отец и мама. Мне нравится, когда она будит меня поутру, хоть я уже давно и не сплю. Специально жду момента бабулиного прикосновения. И делаю вид, что меня не добудиться. Но бабуля давно изучила мои хитрости, и, после нежного поглаживания, резким рывком стаскивает одеяло. Потом подходит к окну и отдергивает штору. Да, с бабулей не забалуешь, надо вставать! Открываю глаза, и ... солнечные лучи на мгновение ослепляют меня. Тут же я вспоминаю, что сегодня нас с Сашкой ждёт утром у бассейна тётя Римма, чтобы учить плавать. Ура! Наконец то я буду плавать, как Олег! Поясняю: Сашка – мой самый близкий и верный друг, Олег – родной брат, старше меня на тринадцать лет, курсант Высшего Военно-морского училища, в одном из корпусов которого находится наша квартира. А тётя Римма – преподаватель физкультуры в этом самом училище. И именно сегодня она начнет нас с Сашкой учить плавать.

Мама, я в 4 года и наш старина курцхаар Рекс. 1950 год

Мне пять лет, и начинающийся день кажется бесконечным. Быстро-быстро вскакиваю и еще быстрее одеваюсь. Появляется мама, она впускает коричневую шоколадку – курцхаарика Рекса, радостно вертящего обрубок хвоста и вообще всем своим задом. Мама подходит и целует меня. Как

могу, уворачиваюсь от обязательного утреннего поцелуя: что за телячьи нежности, я ведь уже совсем взрослый, и сегодня буду учиться плавать! То ли дело большой язык Рекса, которым облизывает меня повизгивающий от радости кобель. Так он здороваётся. У него впереди такой же бесконечно долгий день, который мы проведем вместе. Мама заставляет меня переодеть одетые задом наперед короткие штанишки с дурацкими лямками. Лямки я ненавижу; ведь их носят только совсем маленькие дети, и однажды – в прошлом году – взял большие бабулины ножницы и отрезал насовсем. А отрезанные лямки выкинул в мусорное ведро. Но на следующее утро они оказались пришитыми снова.

Бегу умываться, потом в столовую завтракать. Опять манная каша... терпеть её не могу, но приходится есть каждое утро. На белоснежной, до хруста накрахмаленной скатерти, выставлены хлеб, молоко и эта самая каша. Больше ничего нет. Совсем недавно отгремела Большая война: людям не до разносолов. Мне, родившемуся в год Победы, всё это кажется обычным и привычным. Я не жил до войны, и мне не с чем сравнивать. Вполне достаточно того, что я каждый день узнаю что-то новое и интересное. А чем там накормят, то и съедаю. Мгновенно. Кроме манной каши, конечно...

Город, в котором мы живем, называется Калининград, реже произносится другое его название – Кёнигсберг. Он весь в развалинах. Груды кирпичей, обломков бетона, скрученных взрывами металлических балок, обгоревших досок, – вот и

все, что осталось от большинства домов города. Дороги расчищены кое-как, видны воронки от бомб и снарядов. Люди ходят по обочинам, обходя неубранный мусор войны. На обломках стен домов намалеваны надписи. Полу-затертые немецкие и свежие русские. Больше всего надписей «Бомбоубежище», «Мин нет». Или «Проход запрещен. Мины!». Зимой мама научила меня читать, и я, когда мы иногда гуляем по городу, с увлечением читаю все надписи подряд.

Развалины Кёнигсберга после взятия крепости Советской Армией. 1950-е годы

Отремонтированные совсем недавно корпуса училища выделяются на фоне городской разрухи. Они возведены из красного кирпича, когда город был ещё немецким. Училище занимает довольно большую площадь, а мне – мальчишке – вообще кажется огромным. Меня совершенно свободно отпускают гулять по территории, но каждый раз требуют не уходить за забор. Мест, где можно пролезть на волю, несколько, и все они хорошо известны и исследованы, но пока хватает приключений и в училище. Основательно за забор я полезу следующим летом.

Отец. Стрелки на больших стенных часах показывают восемь. Отец давно на службе. Он начальник этого огромного Военно-морского училища. Я очень люблю бывать у него в кабинете. Кабинет находится на втором этаже, над парадным входом в училище. При входе за загородкой стоят Знамя училища и Военно-Морской флаг. Их день и ночь охраняет караул. Курсант, который охраняет, вообще не двигается, только изредка моргает.

Пройдя охрану, надо подняться по широкой лестнице с красными дорожками, и сразу будет кабинет. На двери надпись «Начальник ВВМУ контр-адмирал Филиппов А.М.». ВВМУ, это значит – Высшее Военно-Морское училище.

Контр-адмирал – это военно-морское звание, а А.М. значит Андрей Михайлович. Так зовут моего отца.

Я очень горжусь отцом, но немного его стесняюсь. Знаю, что он геройски отвоевал всю войну на Черном море, на торпедных катерах, и у него вся грудь в орденах и медалях.

Самый красивый орден называется «Орден Ушакова». На его голубом фоне виден силуэт старинного русского адмирала Федора Ушакова. Этот орден вручили отцу за удачно проведенную военно-морскую боевую операцию. А еще у него три ордена «Боевого Красного Знамени», орден «Красной Звезды» и орден «Ленина». И много медалей: «За оборону Одессы», «За оборону Севастополя», «За оборону Кавказа», «За боевые заслуги», «За победу над Германией», и еще какие-то другие. Есть у него и наградное оружие: маузер с серебряной табличкой, большая сабля, которую отец называет шашкой, и кортик с рубиновой звездочкой. Войну отец начал капитаном второго ранга, а закончил контр-адмиралом. Это звание ему было присвоено после освобождения Севастополя от фашистов, в 1944 году, когда отцу было всего тридцать пять лет. Сейчас-то он уже немножко старый; ему исполнился сорок один год. А в Севастополь он вошел одним из первых.

Второе Балтийское ВВМУ. Главный вход. Фото начала 1950-х годов

Кабинет большой и очень длинный. Высокими окнами левой стены кабинет выходит на плац. Отец обычно сидит за столом. На столе много всяких предметов, которые мне очень хочется взять в руки и повертеть, но отец не разрешает. И я рассматриваю их издалека. Вот несколько моделей военных кораблей. Большой парусник, крейсер, эсминец и маленькая подводная лодка. И конечно торпедный катер. А еще маяк на скале, который высится над бурным морем. Крутые волны, как настоящие, застыли вокруг скалы

и маяка. Если нажать на потайную кнопочку, то маяк начинает мигать, говоря кораблям, куда идти. И что здесь скалы и опасно. Еще на столе стопки книг, тетрадей, папок, а также огромный письменный прибор, с двумя чернильницами, кубками для карандашей и ручек, и большой шутовской, похожей на детскую качалку. Она называется непонятным словом «пресс-папье». В нее заправляют промокательную бумагу. Отец все время что-то читает или пишет, макая металлическое перышко в одну из чернильниц. А потом промокает чернила качалкой, чтобы не испачкать. Иногда отец берет остро оточенный толстый карандаш – синий или красный, они называются «Тактика» – и что-то отмечает в тексте.

На стенах кабинета висят большие разноцветные карты с морями и океанами, и картины про морские сражения, и про геройские обороны наших городов от фашистов. Больше всего мне нравится картина «Взятие Кёнигсберга». Там весь Кёнигсберг в огне разрывов и в дыму, а по реке плывут наши бронекатера и стреляют по фашистам. Сразу над столом висит портрет человека с усами и трубкой в руке. Человек хитро улыбается. Я уже хорошо знаю, что это наш самый главный вождь Иосиф Виссарионович Сталин. В войну он командовал нашими войсками, и поэтому мы победили немецких гадов-фашистов. В простенках между окон стоят большие часы, каждый час гулко отбивающие время, и несколько белых гипсовых голов выдающихся русских флотоводцев: Ушакова, Нахимова, Сенявина и Суворова. Суво-

ров не флотоводец, а полководец, но отец его очень уважает и часто произносит Суворовские изречения. Поэтому гипсовая голова Суворова тоже стоит здесь. А в одном углу большой стеклянный шкаф, где находятся огромные книги, которые даже отец переносит на стол с трудом. Они называются «Атласы». В них изображен весь мир, вся наша Земля, на которой мы живем. И все горы, пустыни, моря, реки, железные дороги, города и деревни.

Начальник 2-го Балтийского ВВМУ контр-адмирал Фи-

липпов А.М. 1951 год

Иногда отец дает мне листы белой бумаги и карандаши, и я рисую. Срисовываю корабли на столе, картины, или – по памяти – рисунки животных из Брэма. И тогда получается, что мы оба работаем.

Когда в кабинет приходят офицеры, то отец их усаживает за длинный стол, приставленный прямо к середине его стола буквой «Т». Все садятся, и начинается совещание, а меня прогоняют.

А еще я люблю смотреть парады. И даже участвовать в них. Все училище выстраивается на большой квадратной площади, которая называется плац. Дядя Саша Ачкасов – начальник строевого отдела – громко и красиво рапортует об этом отцу, а потом торжественно, под оркестр, выносятся Знамя и Военно-Морской флаг. По команде отца происходит перестроение, и все училище, рота за ротой, с оркестром, выходит маршировать по улицам Калининграда. И я марширую рядом. И Сашка. И еще много всяких городских мальчишек присоединяется к нам. Мы идем все время рядом с оркестром, до самого конца маршировки, пока курсанты и оркестр не скроются в воротах. И мы с Сашкой заходим вместе с ними, а другие мальчишки завидуют нам, потому что их не пускают.

Мне кажется, что отец – самый лучший начальник на свете. Самый добрый и все всем разрешающий. А самое главное

на сегодня, что это по его приказу вырыли и одели в бетонные берега бассейн, где ждет тётя Римма.

Друг Сашка. Когда мы с Рексом выбегаем из дома, меня уже ждет друг Сашка Дедов, мой однолесток, с короткой челкой белобрысых волос надо лбом.

2-е Балтийское ВВМУ. Построение на плацу. 1950-е годы

Его отец дядя Петя – капитан 1 ранга, служит вместе с моим отцом. Живут они неподалеку от училища, в чудом уцелевшем немецком домике на Советском проспекте, № 61. Во дворе домика – маленький запущенный сад. Семья Сашки большая: отец, мать тетя Кира, сестры Рита и Таня, и бабушка Евгения Васильевна. Друг Сашка одет точно так же, как

и я. У меня кожа смуглая, а у Сашки – белая и веснушчатая. Поэтому я быстро загораю, а Сашкина кожа краснеет и слезает. Когда мы врём, то краснеем оба. Только у меня краска совсем не заметна, а у Сашки видна сразу. Наши родители определяют, когда мы врём, по Сашке. По его краснеющей коже.

В 5 лет легко забираться куда угодно. 1951 год

Мы оба физически развиты не по годам, крепкие, но худые; мамы говорят, что мы «совсем отбились от рук и избегались». «Избегались» – это нам понятно, а вот что такое «отбились от рук»? Как это вообще можно – «отбиться»? Получается, что родители нас били, а мы «отбивались от их рук»? Но родители нас никогда не бьют. Наказывают, конечно, но по-другому; за всякие наши промашки мы с Сашкой уже много раз стояли в углах, и в нашей квартире, и у него дома... А еще наказывают нас не гулянием; и вот это самое страшное наказание. В тот раз, когда я был совсем маленький и лямки обрезал, меня, конечно, поставили в угол. Я стоял в углу и ревел. Больше для показа, какой я несчастный и одинокий. Комната, где я коротал время в углу, была недавно обклеена новыми обоями. И угол был обклеен. Стоя в углу и подвывая, я размазывал сопливые слезы по бумажной стене. Стена потихоньку намокала, и, в конце концов, в обоях протерлась большая дыра... Когда все это обнаружилось, меня наказали не гулянием на три дня...

Неразлучные друзья Сашка Дедов и Игорёшка Филиппов.
По 6 лет

Рекс облизывает Сашку, мы здороваемся и бежим к бассейну, на бегу разговаривая и перебивая друг друга. Надо поделиться новостями. Самая главная – дядя Петя обещал Сашке и мне дать сегодня на стрельбище выстрелить из пистолета! Впервые! Вот это так новость! Стрельбище располагается неподалеку от бассейна, за маленькой речушкой, текущей по территории. Мы вполне успеем, после того, как быстренько научимся плавать, пострелять из пистолета, метко засадив все пули в мишени с силуэтами фашистов! А вдруг дядя Петя обманет?! Пообещал Сашке, чтобы тот отвязался от него, а после забудет?! Так, обсуждая эту тему, мы подбегаем к бассейну. Еще рано, и там никого нет.

Бассейн. Ложимся меж бетонных стартовых тумб и смотрим в воду. Рекс устраивается между нами и, забавно свесив башку с отвисшими ушами, тоже внимательно смотрит в воду. Бассейн открытый, поэтому в его глубине всегда можно заметить какую-либо живность. Воду давненько не меняли; водных существ появилось множество. Вот быстро, рывками, движется жук-плавунец, а вот машет ногами-вёслами гладыш, почему-то плывущий на спине. Неделию назад такой же вот гладыш пребольно укусил меня за палец. На поверхности воды бегают водомерки и суетятся блестящие жуч-

ки-вертячки. По слегка заиленной стенке бассейна медленно ползет странное существо – водяной скорпион. Сзади у него длинный трубчатый яйцеклад, похожий на жало настоящего скорпиона. Раз скорпион с длинным яйцекладом, значит это самка. У самцов такого яйцеклада не бывает.

Все эти занимательные подробности мы вычитали в толстых книгах Брэма, роясь в библиотеке отца. У него «этих Брэмов» несколько: про зверей, птиц, насекомых, земноводных и пресмыкающихся. Пока мы с Сашкой не умели читать, изучали в них чудесные картинки. Вот почему в нашем малом возрасте мы уже так основательно знаем животных. К тому же в центре города располагается замечательный зоопарк с оставшимися от немцев животными, в который мы очень любим ходить, и где продолжаем изучать зверей и птиц. В зоопарке нам особенно нравится огромный скелет кита, собранный из настоящих костей, позеленевших от времени. Мы залезаем на него, прыгаем по позвонкам и трогаем длинные ребра. А еще мы любим большой дерев при входе, с листочками в форме веера. Оно называется «гингко».

Бассейн построили в прошлом году, когда мы с Сашкой были еще маленькие, не умели даже читать. Рыли его лопатами и большой механической штукой с ковшом. Называется эта штука очень трудным словом – экскаватор. Один раз экскаватор вырыл огромную неразорвавшуюся бомбу. Её во время войны скинул самолет, а она возьми да и не разорвись!

Только в землю глубоко ушла и там затаилась. Вызвали специалистов, взрывников и минеров, а с территории училища всех прогнали. Мы хотели прокрасться поближе, чтобы посмотреть, но нас тут же отловили и расставили по углам. Там мы и простояли всё самое интересное. А бомбу увезли далеко за город и подорвали. Взрыв был очень сильный. И только после взрыва нас выпустили на улицу.

Когда котлован под бассейн был вырыт, а стенки забетонированы, получилась огромная пустая коробка, в которой дно почему-то с наклоном уходило вглубь. Над глубоким местом из металлических труб сварили высокую вышку с двумя площадками. Мы потом выяснили, что та, которая пониже, была пятиметровой, а высокая – десяти. Сбоку, чтобы залезать на площадки, приделали лестницу, тоже металлическую. По ней мы моментально начали забираться наверх. Но долгое время на самый верх трусили; добирались только до нижней. Сейчас-то мы, конечно, на самую верхнюю забираемся запросто. И не страшно ничуть. И не упали ни разу.

После, когда всё построили, стали закачивать воду. Ее заливали из водопроводной трубы, поэтому долго. А когда вода застаивалась, ее откачивали помпой, сливая в ту самую речку, которая протекала по территории. Отец сказал, что все это очень удобно получилось. Когда воду накачали, начались всякие тренировки и соревнования. В плавании, нырянии и прыжках. Брат Олег очень хорошо плавал; он сразу попал в сборную команду училища. Плавал он брассом. Это

такой стиль, когда плавают по-лягушачьи. А еще прыгали с вышек. Разными прыжками. И по-разному. Иногда кто-нибудь шлепался спиной или животом, и летели брызги. Одно-го курсанта увезли в госпиталь; так сильно он приложился спиной с высокой вышки. Потом он из госпиталя вышел и прыгал по-прежнему, но уже лучше. И мы с Сашкой решили, что всем прыгунам надо бы сначала полежать в госпитале, чтобы потом прыгать лучше. Отец сказал, что мы дураки и ничего пока не понимаем. И очень смеялся.

Брат Олег, мама и я в 6 лет. 1952 год

Самое интересное в бассейне случилось недавно, в этом году, на празднике «Пять лет со дня Победы». Один из пловцов показал очень сложный трюк. На дно бассейна, в глубину под вышкой, бросили учебную не разрывающуюся гранату, которая тут же утонула. На вышку залезли двое: один связал пловцу руки за спиной и привязал к ногам тяжелый груз. Затем подвел пловца к краю площадки и... столкнул вниз. Мы с Сашкой сразу подумали, что человек утонет, но через пару минут он вынырнул с гранатой в руке! И груза на его ногах не было. Все зрители стали кричать, радоваться, и долго хлопали. Мы с Сашкой тут же решили, что, как только выучимся плавать, завяжем друг другу руки и прыгнем в бассейн с вышки. Чтобы и нам зрители долго хлопали. И восторженно орали. Вот только непонятно было, кто же завяжет руки мне, если я сначала свяжу Сашку, или Сашке, если он сперва свяжет меня. Отца или дядю Петю звать было нельзя, потому что нас тут же расставят по углам. Так мы и не решили, как поступить.

Большие деньги. Но вот раздается грозный голос тёти Риммы:

– Опять плюёте в воду?!

Почему она решила, что мы плюём, не знаем. Вот решила, и всё. Оправдываться бесполезно. На самом деле мы и

плюнули-то всего по одному разику. С вышки. Так ведь не удержаться же, чтобы не плюнуть вниз, когда подползёшь к краю площадки на десятиметровой высоте. Не кирпичи же с собой носить наверх. Кирпичи нельзя; когда воду выльют из бассейна, их сразу увидят и поймут, что это мы с Сашкой. Больше некому.

Тётя Римма маленького роста, худощавая, с чёрными волосами, завитыми колечками. Лицо у неё некрасивое, с большим носом. Наверное, поэтому мама называет её брюнеткой. Когда мы с Сашкой хотим подразнить кого-нибудь, или ругаемся друг с другом, мы обзываемся вот этим словом – «брюнетка»!

Вообще-то мы с Сашкой редко ругаемся, только один раз, недавно. И тоже тут, у бассейна. В тот раз мы пришли сюда в обед, когда никого не было. Только что прошел дождь, и на бетоне вокруг бассейна были лужи. Солнце их быстро высушивало. Вдруг Сашка увидел в одной луже бумажную деньгу, один рубль. Тут же и я нашел такой же рубль в другой луже. А потом мы – уже вместе – увидели мокрые три рубля одной бумажкой. Что такое деньги, мы знали, но у нас их никогда не было. Бумажки быстро высохли на жарком солнышке, и мы стали думать, что с ними делать. Всякие там сладости нам перепадали редко, поэтому сразу решили их купить. Но дальше мы поругались. И долго обзывались «брюнетками». Потому, что Сашка хотел на эти деньги купить шоколадки в зеленых обёртках, где нарисована белочка, грызущая

орешек, а я предлагал купить конфеты «Кавказские». Чтобы было больше. Потом уже, узнав про нашу ссору, отец снова смеялся, и сказал, что эти большие деньги нас «испортили».

На территории училища был маленький магазинчик, его называли «лавка». В нём продавались и шоколадки, и конфеты, и разные другие продукты, но мы, когда помирились, решили, что не станем там покупать, потому что продавщица непременно расскажет маме или бабуле. И мы опять будем стоять в углах. За то, что мы нашли деньги и не отдали их родителям. А те вернули бы их людям, кто потерял. А мы деньги «утаили и присвоили»; так очень серьёзно сказал отец, когда нас потом ругал. И решили мы закупить все эти прелести в городском ларьке.

Училище располагалось на широкой улице с названием Советский проспект. В конце забора училища проспект заканчивался площадью, где находились семь ларьков-палаток. В них продавалась всякая всячина. Это место все называли «Семипалатинск». Потом мы узнали, что где-то далеко есть город, названный так же. Наверное, в честь нашего. И вот, когда мы, впервые проникнув на волю через дыру в заборе, подошли к нашему «Семипалатинску», то увидели, что особенно бойкая торговля шла у палатки с надписью «Пиво-воды». Стояла длинная очередь мужиков, однако «воды» никто не брал, а каждый отходил с пивной кружкой в руках, сосредоточенно сдувая пену. Что такое пиво, мы уже знали; тайком попробовали на каком-то празднике. Пиво нам не

понравилось, горькое. То ли дело бутылочный лимонад или газировка! В ларьке с надписью «Продукты» мы стали покупать шоколадки и конфеты. И тут нас поймал дядя Петя, отец Сашки. Оказывается, он вышел в обед выпить кружку пива, и вдруг увидел нас. С деньгами и конфетами. Меня он передал бабушке, а Сашку отправил домой. И мы снова долго стояли по углам. Мы не успели договориться, что будем врать про деньги, поэтому врали неодинаково, и нам влетело еще больше; нас наказали не гулянием.

Учимся плавать. Тётя Римма пришла не одна, а с помощником. У них в руках широкие брезентовые пояса с верёвками. Их тут же нам подвязывают на грудь, сдвинув под плечи. Потом нас разводят в разные места бассейна. Мне достаётся верёвка, отходящая от тёти Риммы, а Сашке – от помощника. И сразу же, по команде тёти Риммы, нас сбрасывают в воду. Не знаю, что чувствует Сашка, а я захлёбываюсь и быстро тону. И слышу, пока тону в водных глубинах, гавканье Рекса. Потом мне тётя Римма рассказала, что Рекс с лаем метался вдоль бассейна и хотел прыгнуть, чтобы спасти меня, но его отогнали. Тётя Римма вытягивает меня на поверхность и громко кричит: «*Работай руками!*». Я работаю руками, но снова иду ко дну. К этому моменту я уже здорово нахлёбываюсь воды и соображаю, что рот открывать нельзя. Тётя Римма вытаскивает меня несколько раз, пока я вдруг не начинаю плыть. По-собачьи. И проплываю я по-собачьи несколько метров. Тогда тётя Римма окончательно вывола-

кивает меня на бетонную стенку и говорит, что плавать я уже научился. И Сашка тоже. И что завтра мы можем прийти в это же время, если не забоимся, и тогда она покажет нам, как правильно дышать в воде, и как плавать с досками. Мы с Сашкой очень радуемся, что научились плавать, быстренько одеваемся и убегаем. А то вдруг тётя Римма опять обяжет нас верёвками и снова скинет в воду. Для тренировки.

Засев в кустах у стрельбища, мы обсуждаем, что это за доски такие, о которых говорила тётя Римма. И решаем, что к этим самым доскам нас завтра привяжут и бросят в воду, но уже без верёвок. И немного спорим. Сашка думает, что доски привяжут нам на грудь, а я – что к спине, чтобы можно было, плавая, дышать в воду. Тогда Сашка начинает кричать, что так непременно захлебнёшься, а я – ещё громче орать, что тётя Римма умеет дышать водой и нас научит. Кричим мы очень громко, и Рекс подскуливает, а потом лает во весь голос. Ему не нравится, когда громко кричат.

Стрельбище. Тут кусты раздвигаются, и возникает дядя Петя. Он шел на стрельбище с курсантами, чтобы учить их стрелять, и услышал наши крики и лай. Дядя Петя говорит, что если мы будем и дальше так вопить, то он нам не даст выстрелить ни разу. Мы сразу же затихаем, даже Рекс.

Перейдя деревянный мостик через речку, мы оказываемся на стрельбище. Длинный и узкий участок территории вдоль забора огорожен толстыми кирпичными стенами, чтобы пули не поранили кого-нибудь. Крыши совсем нет, а

в конце, где прикрепляют мишени, находится деревянная стенка из очень толстых досок. За стенкой навалена гора песка и камней, чтобы пули, если вдруг пробьют деревянную стенку, в этой горе застревали. В землю на разном расстоянии от мишеней воткнуты таблички с цифрами: «25 м», «50 м» и «100 м». Дядя Петя говорит, что это – «дистанции стрельбы», и что со ста метров стреляют из автоматов и винтовок, а сегодня курсанты будут стрелять из пистолетов Стечкина с дистанции пятьдесят метров.

Всю дорогу, пока шли на стрельбище, мы с Сашкой радовались, что нам сразу выдадут пистолеты, и начнем стрелять. Но, когда пришли, дядя Петя велел нам отойти подальше, привязать Рекса, чтобы он не шлялся под пулями, сидеть молча и ждать. Курсантов делят по четвёркам. Первую четвёрку подводят к столам, стоящим на дистанции «50 м». На столах лежат красивые черные пистолеты и какие-то продолговатые деревянные штуковины. По команде дяди Пети курсанты берут в руки эти штуковины и вдруг приделывают к ним пистолеты. И получаются короткие винтовки! После этого курсанты по очереди сообщают, что они готовы, и начинается стрельба. К этому времени мы подползаем поближе к стреляющим, поэтому громкие резкие звуки выстрелов нас немного оглушают. И мы начинаем переживать, решимся мы выпалить или нет.

Раньше, когда на стрельбище занятий не было, мы пробирались к мишеням и удивлялись, с какой силой пули вре-

заются в доски, расщепляя их на острые щепки. Мы вытаскивали пули, застрявшие в досках и песке, стараясь отыскать не расплющенные. А ещё мы набирали пустые гильзы, и у каждого из нас была уже целая коллекция. Мы знали все их названия. У нас были гильзы от винтовок «трёхлинеек», от автоматов ППШ, от пистолетов Стечкина и ТТ, маленькие гильзочки от мелкашек, и даже по гильзе от ракетниц. Узнав о наших коллекциях, дядя Петя подарил нам гильзы от немецких автоматов – «шмайссеров», несколько гильз от противотанковых ружей ПТР и по большой гильзе от зенитных снарядов. Играя, мы расставляли эти гильзы в определённом порядке, и у нас получались армии; Сашкина и моя. Гильзы от зениток были командирами. Связывая резинки для поддержки трусов небольшими кольцами, мы стреляли во вражеских солдат, разыгрывая целые сражения. Поэтому нам было нужно очень много гильз, чем больше, тем лучше. Ещё у нас были металлические шарики от огромных подшипников, и мы иногда катали их в армии противника, валя врагов десятками.

Рекс однажды погнался за таким шариком и... проглотил его, за что нам сильно попало от отца углами и негулянием. Шарик находился в животе у Рекса целую неделю, и отец все это время ждал, когда же он выйдет из Рекса. Из рта или из ещё какого-нибудь отверстия... В тот день мы сидели за обедом, а невесёлый Рекс лежал под столом. Вдруг Рекс закашлялся, напрягся, и шарик выскочил изо рта вместе с дру-

гой пищей, которая в Рексе была. И покатился по полу. Отец очень обрадовался, а мама убежала в ванную тошнить. Самое интересное, что шарик был весь в каких-то мелких ямках и точинках. Отец объяснил, что это «коррозия» от собачьего желудочного сока. И что у собак этот сок очень сильный и может вообще всё переварить. И если бы шарик не вылетел из Рекса, то совсем бы в нем растворился. В Рексе.

Когда первая четвёрка курсантов стрелять заканчивает, дядя Петя идет с ними к мишеням смотреть результаты. Мы тоже идём следом, но нас не пускает дежурный с повязкой и красным флажком. Потом стреляет следующая четвёрка, потом ещё... Нам с Сашкой надоедает ждать, Рекс начинает скулить; ему тоже хочется побегать...

Наконец учебная стрельба заканчивается. Курсантов уходит со стрельбища усатый старшина-сверхсрочник. Мы уже разбираемся и в нашивках, и в званиях, поэтому знаем, что сверхсрочник — это тот, кто остался служить сверх срока. Обычно такие люди остаются служить сверх срока потому, что на гражданке им деться некуда: их семьи погибли, а дома разрушены. Вот почему в сверхсрочниках много украинцев.

Меткий выстрел. Наконец-то дядя Петя подзывает нас! Привязанный Рекс рвётся было за нами, но потом, увидев, что мы уходим недалеко, ложится и даже, кажется, задремывает. К выстрелам он уже привык. Дядя Петя подводит нас к отметке «25 м». Мы думали, что будем стрелять из Стечкина, но он вытаскивает из кармана совсем маленький,

почти игрушечный пистолетик, который называет «револьвером». И еще говорит какое-то слово, но мы не запоминаем. Этот револьвер заряжается патронами от мелкашки. Револьвер только один, и мы с Сашкой опять спорим, кто первый. Дядя Петя тут же убирает оружие в карман. Мы всё сразу понимаем и притихаем. Сначала дядя Петя рассказывает нам про револьвер. Что такое ствол, ручка, мушка, спусковой крючок, курок, боёк и барабан. А потом показывает, как надо правильно стоять при выстреле, как держать руку и как прицеливаться. И, когда мы все это выполняем с пустым револьвером, дядя Петя заряжает его, достав новенькую коробочку с патрончиками. Первым оружие получает Сашка. Я стою в сторонке и смотрю, как он будет стрелять. Новые мишени уже повешены. На них нарисованы тёмные силуэты с круглой головой и грудью. И круги с цифрами. Мы знаем, что надо ухитриться не просто попасть в фашиста, но и всадить ему пулю как можно ближе к цифре «10». Сашкина рука сильно дрожит, когда он прицеливается. Вот звучит выстрел. Сашкину руку отбрасывает совсем немного. Дядя Петя велит ему стрелять ещё. Сашка, радостно улыбаясь, очень быстро выпаливает все патроны. И я про себя решаю, что ни за что не буду быстро стрелять, а буду долго целиться, чтобы лучше попасть в фашиста.

Настаёт моя очередь. Я должен стрелять по другой мишени. Дядя Петя выбрасывает из барабана пустые гильзы и снова заряжает револьвер новыми патронами. Свои пустые

гильзы Сашка тут же собирает и, пока я стреляю, без конца вынимает из кармана и нюхает пороховой запах. Револьвер со вставленными дядей Петей патронами потяжелел, его трудно удержать, поэтому моя вытянутая рука дрожит так же, как и у Сашки. Подведя маленькую мушку на стволе к кругу с цифрой «10», я нажимаю на спусковой крючок. Раздается выстрел, и руку отбрасывает вверх и назад. После этого я, не опуская револьвера, поворачиваюсь к дяде Пете и спрашиваю, метко ли я попал. Вдруг дядя Петя прыгает в мою сторону и пытается схватить мою руку с револьвером, а я уворачиваюсь, решив, что он больше не даст мне стрелять. И при этом держу палец на спусковом крючке. Наконец дядя Петя ловит мою руку и отбирает револьвер, говоря, что мне ещё стрелять рано, что я ещё не готов к военной службе, потому что не слушаю инструкций командира. И что вряд ли вообще когда-нибудь буду годен к службе. Всё это меня сильно огорчает. До слез. А Сашка, гад, стоит и посмеивается.

Идем смотреть мишени. И тут оказывается, что Сашка из шести пуль пять засадил в «молоко», то есть мимо силуэта фашиста. А в фашисте только одна пробоина, там, где цифра «5». Дядя Петя говорит, что «на шесть часов». И мы ничего не понимаем. Но спрашивать трусим.

Потом подходим к моей мишени. И тут дядя Петя радуется и улыбается. Потому, что я попал прямо в центр десятки! Дядя Петя говорит, что такого меткого и снайперского вы-

стрела он давно не видел, и что, если это не случайность, из меня ещё может выйти толк. А Сашка начинает завидовать. Потом, когда мы отвязываем Рекса и уходим со стрельбища, то опять немного спорим, из-за револьверных гильзочек. Их у нас семь, и на двоих не разделить. В конце концов мы одну гильзу выкидываем в речку.

Кораблики. Наш обратный путь опять лежит мимо бассейна, и мы решаем попускать кораблики. Они у нас спрятаны за бассейном, в камнях. Кораблики вырезаны из коры дерева. Их корпуса не очень большие, длиной с нашу ладошку, а в палубу воткнуты тонкие и острые палочки-мачты. По три на каждом кораблике. Мачты называются так: первая от носа фок-мачта, средняя грот-мачта, а у кормы бизань-мачта. Все это нам рассказал отец. Он и показал, как правильно их оснастить, то есть наколоть бумажные паруса, чтобы кораблики поплыли по ветру. Сначала они у нас кружились и переворачивались. Паруса намокали. По совету отца мы приколотили к днищу маленькую полоску расплющенного молотком свинца, а в корму врезали руль из обломка бритвенного ножичка. И кораблики поплыли. Ещё как! Мы бежали рядом, орали и радовались. И Рекс бежал рядом, лаял и радовался.

Отыскав в камнях кораблики, мы чуть подправляем паруса и запускаем их в центре бассейна, но по разным дорожкам. Дорожки отделены друг от друга тросами с пробковыми шарами. Дует ветерок, и наши кораблики, совсем как настоящие, быстро скользят вдоль дорожек. На середине бассей-

на мой тыкается в пробки и застревает. А Сашкин кораблик приходит первым. Потом мы долго кидаем в застрявший кораблик маленькими камушками, чтобы его освободить, но никак попасть не можем. Далеко. Рекс хочет прыгнуть в воду и достать кораблик, но мы ему не разрешаем. Собакам строго-настрого запрещено плавать в бассейне, чтобы не заразить пловцов. Нам непонятно, почему же тогда Рексу разрешается обниматься с нами и спать рядом? В конце концов, опять появляется тётя Римма и прогоняет нас от бассейна. А кораблик так и остаётся застрявшим. И мне его жалко. Однако на следующий день утром кораблик лежит на стартовой тумбе. И даже все паруса у него расправлены. И руль на месте. Это, наверное, тётя Римма вытащила его, потому что он мешал плавать пловцам- курсантам.

На крыше клуба. До обеда ещё есть время, мы решаем позагорать и направляемся к клубу. Его построили три года назад, когда я был совсем маленький, поэтому мне кажется, что клуб был всегда. В нём проходят всякие собрания, концерты, танцы, совещания, но самое главное, – в нём крутят кино и играют спектакли. Клуб находится в самой середине территории училища. Перед ним, ближе к учебному корпусу, среди газонов с цветами и скамейками, висится постамент с большой скульптурой Сталина. В полный рост. Сталин – наш самый главный верховный вождь, и его все любят. Когда праздник, и приходят гости, то пузатый дядя Коля-замполит обязательно произносит тост за Сталина. За его

здоровье на многие годы. И ещё говорит ему спасибо за нашу счастливую жизнь. И все встают, и чокаются стоя.

Клуб не очень высокий, в три этажа. На плоскую крышу клуба, со стороны учебного плаца, можно влезть по вертикальной металлической лестнице. Там, за трубой, отличное место для загорания. Нам удаётся незаметно залезть на крышу и спрятаться за трубой. Здесь нас вообще никто никогда не найдет. Даже если очень сильно захочет. Нагретая солнцем крыша хорошо пахнет смолой под названием «вар». Ей заливают-заваривают швы в рубероиде. Мы снимаем рубашки, отщипываем мягкие капли вара и жуём. Рот наполняется слюной, вар пристаёт к зубам, и рты раскрываются с трудом. Но мы всё равно шепелявим друг другу, как это здоровски вкусно.

На плацу начинаются занятия. Курсанты отрабатывают различные упражнения с винтовками. По команде они вскидывают их на плечо, выполняют приёмчики «На караул!» и «К ноге!». Затем они прикрепляют к стволам штыки и колют чучела фашистов. С разбега и с шага. Сначала нам интересно, но потом надоедает: мы видели это уже не один раз.

Спектакль. Обсуждаем спектакль, который должен состояться сегодня вечером в клубе. Название спектакля «Брестская крепость». Это про то, как в самом начале войны фашисты окружили крепость, а наши солдаты героически оборонялись, и в конце спектакля ушли в подвалы, и били фашистов оттуда. Мы видели этот спектакль уже два раза,

но хотелось ещё. Тем более, что в нем участвует мой брат Олег. Вообще все роли исполняют курсанты и офицеры. А еще гражданские дяди и тёти, которых называют служащими. Олег играет не самую главную роль. Он – боец, который героически погибает во втором акте, отстреливаясь из пулемёта на развалинах крепости. При этом он очень красиво скатывается по картонным кирпичам и, разметав руки, остается недвижим, пока занавес не закрывается. Прошлый раз механизм заело, занавес не смог закрыться, поэтому брату пришлось, полежав довольно долго, подняться и, раскланявшись, уйти за кулисы. Некоторые люди в зале смеялись. Дома бабушка назвала их «некультурными».

Я очень горжусь своим братом. Хотя он почти меня не замечает. Считает малявкой. Брат не только отлично плавает и играет геройского бойца-пулеметчика. Он ещё поет в хоре и фехтует на эспадронах. И боксирует. И красиво танцует на танцах. С девушками. А когда он идёт в увольнение, то на его левом боку висит чёрный палаш. Это такая небольшая сабля, чтобы отбиваться в увольнении от бандитов и патрулей. Когда я вырасту, обязательно буду курсантом, и у меня будет палаш, и я буду боксировать, плавать и фехтовать. А танцевать с девушками я не буду, потому что это противно. И стыдно.

Бабуля. У Олега много друзей-курсантов. Они часто приходят к нам в гости. И мама с бабулей поят их чаем и кормят всем, «чем бог послал». Нашу бабулю, Марию Иванов-

ну, друзья брата очень любят. Потому, что она им всем перешивает флотские брюки, делая из них «клёши». Это такие брюки, когда сверху штанины узкие, а внизу очень широкие. И отец часто ругает бабулю, особенно после смотров формы одежды. Когда я прошу бабулю расклешить и мои короткие штанишки, она смеётся, идет и сообщает о моей просьбе маме и отцу. И все они долго хохочут вместе. А мои штанишки так и остаются не расклешенными.

Все курсанты так любят бабулю, что без неё не начинают ни одного концерта или спектакля. Один раз в училище приехало какое-то большое начальство. Оно сидело в главной ложе и ждало начала спектакля. Но нашей бабули не было, и спектакль не начинался. Большое начальство ничего не понимало. И тут в зале появилась бабуля. Все сильно захлопали, и спектакль начался. В ложе отец объяснил большому начальству, что произошло. И большое начальство тоже много смеялось.

Душа семьи – наша Бабуля. 1950-е годы

А ещё сегодня, после спектакля, состоится концерт. Будут играть на разных музыкальных инструментах, петь и плясать матросский танец «Яблочко». Сколько бы мы с Сашкой не спрашивали взрослых, почему у матросского танца

такое фруктовое название, никто нам ответить не смог. Бабуля объяснила, что мы занимаемся ерундой, и что главное не название, а как пляшут, с огоньком или без. И опять нам стало непонятно, потому что никто из плясавших никакого огня в руках не держал. Может, бабуля имела в виду журнал «Огонек», который выписывал отец, но и журнала у плясавших не было. И вообще у них руки были пустые, а то как бы они смогли в пляске крутиться колесом и высоко подпрыгивать?...

Мама на сцене. Вечером мы с Сашкой сидим на полу перед первым рядом и внимательно смотрим на сцену, стараясь ничего не пропустить. И хлопаем в ладоши вместе со всеми зрителями. Когда начинается концерт, неожиданно объявляют:

– *Старинный романс в исполнении Нины Алексеевны Филипповой.*

И на сцену выходит мама. В очень красивом длинном платье. Оно переливается радугой. Я знаю, что материал, из которого бабушка и мама сшили платье, называется бархат «Пан». Рукава платья оторочены мехом из зайца, которого зимой убил отец. Но об этом знаем только мы. Мама начинает петь романс «Не уезжай ты, мой голубчик...». Поёт она очень хорошо, и ей долго хлопают. Мы с Сашкой отбиваем все ладошки. Мама любит петь, и поет часто, даже дома, когда собираются гости. И подыгрывает себе на пианино. Её часто приглашают петь в городской театр. И она там высту-

пает в концертах.

Отец не любит отпускать маму в театр. Он вообще петь не любит. А если поёт, то только песню «Каховка» или из кинофильма «Чапаев». Про чёрного ворона. Как он вьётся над головой у героя гражданской войны, и что он Чапаева нипочем не дождется. И правда, в конце фильма раненый Чапаев геройски тонет в реке Урал, а ворону так и не удаётся его поклевать.

После спектакля и концерта курсанты быстро уволакивают стулья к стенкам, и начинаются танцы. Под духовой оркестр училища, который рассаживается на сцене. Но это нам с Сашкой не интересно, и мы сматываемся по домам.

Мама перед выступлением в городском театре. 1952 год

Когда мы расстаемся с Сашкой, и я добираюсь до дома, уже совсем темно. Мне маленько влетает от бабули за опоздание. Бабуля на танцы никогда не остаётся; она давно уже согрела чай и ждёт меня. Чай вкусный. Мы его пьём с хлебом и прошлогодним малиновым вареньем. Рекс сидит рядом и стучит обрубком хвоста. Выпрашивает корочку. У меня слипаются глаза... Очень хочется спать.

Мама прекрасно играет на пианино. 1950-е годы

Мыльные пузыри. Мы с Сашкой сидим на подоконнике раскрытого окна, в нашей квартире на третьем этаже. Пускаем мыльные пузыри и соревнуемся, чей пузырь будет больше, чей дольше проживёт, а чей дальше пролетит. Рекс сидит рядом. Он ловит те пузыри, которые не хотят вылетать во двор, а остаются в комнате. Кобель смешно клацает зубами, а потом долго отплёвывается от мыла. Мыльный раствор очень хорош; пузыри получаются огромными и переливаются

ся радугой.

Под окном проходят курсанты, поодиночке и строем, и мы стараемся попасть пузырями по ним. Сверху. Курсанты замечают пузыри, посматривают на нас снизу и улыбаются. Наверное, им тоже хочется попускать пузыри, но некогда. Служба.

Когда мы выдуваем большие пузыри, то они далеко не летят, а лопаются сразу, у окна. Маленькие пузыри живут дольше и летят дальше. Некоторые из них, подхваченные ветром, легко вылетают из окна, поднимаются вверх и взмывают к небу. И мы не можем определить, сколько они живут. Сашка выдувает такой огромный пузырь, что он не пролезает в окно. Пузырь сверкает на солнце, он то становится совсем круглым, то продолговатым, как колбаса, и мы боимся, что он лопнет. В конце концов он лопается, обрызгивая нас мыльными каплями. Сашка тут же заявляет, что он слышал громкий хлопок, но я точно знаю, что никакого хлопка не было, и мы опять немного спорим.

Потом уже я выдуваю большой пузырь, но поменьше Сашкиного, он пролезает в окно и летит вниз. И не лопается. Мы свешиваемся из окна и смотрим, что с пузырем будет. И Рекс свешивается. А в это время внизу проходит дежурный офицер с полосатой повязкой на рукаве. Повязка называется «рцы». И пузырь опускается прямо перед его носом. Офицер как отпрыгнет в сторону! Он решил, что это падает стекло! Мы с Сашкой тут же убираем головы из окна, скрываемся. А

Рекс не убирает. И офицер, наверное, думает, что это собака выдула такой большой мыльный пузырь.

Глава вторая. Заядлые рыболовы и охотники

Огромные щуки. Вдруг дверь открывается, и входит отец. Он только что вернулся с рыбалки, поэтому одет во всё рыбацкое, только на ногах тапочки. Отец улыбается и зовет нас посмотреть, что он привёз. Мы немедленно бросаем пузыри и бежим за отцом. И Рекс бежит. На кухне, на расстеленной тряпке, лежат такие огромные рыбы, что у нас с Сашкой глаза вылезают на лоб. И у Рекса вылезают. Кобель с опаской подходит к рыбам и, каждую секунду готовясь дать дёру, осторожно обнюхивает. Это щуки. Их две. Одна поменьше, а другая совсем большая. Пятнистые рыбы занимают половину кухонного пола. Их головы напоминают головы крокодилов из любимой книги Брэма. Щуки покрыты слизью, к которой прилипли листья и травинки. У большой щуки огромный жёлтый живот. И они сильно пахнут. По-рыбьи. Отец говорит, что обеих щук он убил из ружья, и что у той, которая поменьше, вес восемь килограммов, а у большой — два пуда. Или тридцать два килограмма. Мама ходит туда сюда вокруг щук и не знает, что с ними делать. Как подступиться.

Отец очень доволен; он без конца трогает щук за разные места и рассказывает, как всё случилось. И мы узнаём, что отец с дядей Петей и ещё с другими охотниками стрелял

на Куршском заливе весенних уток. Ещё в темноте, перед утром, он посадил на воду утиные чучела и затаился в шалаше, сделанном из прошлогоднего, сухого камыша. В это время, совсем рядом в мелкой воде, он услышал плеск и шум от больших рыб. Это нерестились щуки. Отец не удержался и выстрелил в эту кучу дробью. Щуки разбежались, а две остались, их оглушило. И самая огромная осталась.

Когда мама всё-таки решается и вспарывает ей живот, из него вылезает много мелкой рыбы и икры, наверное, весом с малую щуку. Мелкой рыбой щука кормилась, а икру хотела выметать, чтобы были маленькие щурята, которые бы выросли и тоже жрали мальков. И хорошо, что отец убил этих крокодилов.

В другой щуке икры не оказывается, желудок у нее пустой, только в кишках белеют молоки. Мама говорит, что это щучий самец. Мы с Сашкой уже знаем, что такое самец, а что – самка, и откуда дети берутся, поэтому почти не удивляемся. Конечно, нам ещё не всё ясно в этом вопросе, но книг у отца много, и мы твёрдо знаем, что найдём в них ответы на всё. Или у ребят с улицы спросим. Они-то уж точно всё знают.

Отец в 1950 году

Речка. Наши с Сашкой отцы – заядлые рыбаки и охотники. Как только у них случается свободное от службы время, они тут же едут на рыбалку или охоту. Мама говорит, что отец «удирает» от семьи. Но он не удирает на совсем, и дядя Петя тоже не удирает. Они каждый раз возвращаются и

привозят много рыбы и всякой дичи, а ещё больше рассказывают, и тогда наши мамы, и бабушки, и Сашкины сёстры смеются, и говорят, что всё это «враки», и что ничего этого не бывает. Но мы с Сашкой уверены, что на рыбалке и охоте бывает всякое, и с нетерпением ждем этих историй. Олега отец тоже иногда берёт с собой, но редко; брату некогда, ему надо хорошо учиться, чтобы стать умелым штурманом и офицером.

Мы с Сашкой всё время мечтаем, как нас однажды возьмут на рыбалку. На Куршский залив, или на канал, или хотя бы на Люблинское озеро. Тогда мы всем покажем, как умеем ловить рыбу. Но нас пока не берут, и мы пытаемся ловить сами, в речке, которая течет по территории училища. Она маленькая, шириной, наверное, не больше трех наших прыжков без разбега. И мелкая. В самом глубоком месте нам по грудь. В ней даже не утонешь, такая она маленькая. Проверено. Трава по её берегам почти всегда выкошена, только в некоторых местах в воде стоят невысокие тростники. Течения почти нет, особенно летом. Вода довольно чистая, и в её глубине хорошо видны затонувшие с войны кирпичи и всякие ржавые металлические штуки: банки, колючая проволока, гильзы. Иногда там плавают трупы животных, лягушек или крыс, даже кошек.

Нам с Сашкой не разрешают «ковыряться» в речке, но мы всё равно часто в ней «ковыряемся». Нас привлекает к ней множество живых существ, обитающих на берегах и в воде.

На скошенной траве прыгают лягушки. Их много. Разного возраста и расцветок. Бегают ящерицы, быстрые жужелицы и даже медлительные жуки-носороги. Летают стрекозы, бабочки капустницы, лимонницы, адмиралы, павлиньи глаза и крапивницы. Больше всего крапивниц. А однажды мы долго гонялись за огромным махаоном, но так и не поймали. Всё потому, что у нас нет хорошего сачка для ловли насекомых. Был один, но мы его быстренько порвали, пытаюсь ловить рыбёшек. И мама сказала, что она больше не будет переводить ценную марлю на наши шалости. В воде обитают те же самые лягушки, их дети головастики, пиявки, красивые тритоны с оранжевыми пестрыми пузиками и гребешками на спинках. И ещё всякие рыбки, в основном мальки маленьких-маленьких плотичек. Несколько раз мы видели, как крошечный щурёнок охотился на самых мелких мальков и водяных насекомых. На тех, которые ещё не перебрались в бассейн. Есть व्यюны, но их очень трудно поймать, потому что они скользкие и выются в руках, как змеи. Выскальзывают. У них смешные усы около рта. Плавают колюшки с острыми иглами спинных плавников. Встречаются и ужи, которых мы не боимся. И иногда берём в руки поиграть. У них на голове яркие жёлтые пятна, по которым их отличают от гадюк. Ядовитых гадюк мы пока не встречали. А очень хотелось бы встретить. И потрогать.

Большая плотва. Посмотрев огромных щук, мы с Сашкой решаем тоже заняться рыбалкой, и бежим на речку. Мо-

жет быть, хотя бы тритонов наловим, чтобы посадить в банку и понаблюдать. Один раз у нас уже жил тритон, но мы не знали, чем его кормить, и отпустили. Сейчас-то мы знаем, чем, прочитали у Брэма, поэтому хочется попробовать ещё раз.

Мы подбегаем к мостику, ведущему на стрельбище, ложимся на его край и смотрим в воду. Стараемся смотреть в тень от мостика; так лучше видно, до самого дна. Как всегда, под мостом стоит небольшая стайка мелких плотичек-мальков. Но что это?! Среди них виднеется большущая плотица, кажущаяся нам в воде громадиной. По сравнению с мальками. Вот бы её поймать!

У нас моментально зреет план. Надо добыть её, сбросив сверху большие кирпичи. И оглушить её, как отец щук. Звук. Или ударом по башке. Мы моментально приволакиваем пару красных кирпичей из кучи у бассейна и затаиваемся на мосту. Ждём подходящего момента. Как только плотица замирает поближе к поверхности воды, мы почти одновременно бросаем кирпичи. С силой. Получается большой всплеск, и нас обдаёт брызгами. Когда муть оседает, мы видим стайку мальков, по-прежнему замерших под мостом. Но большой плотвы нет. Мы разочарованы... И вдруг видим, что наши кирпичи лежат друг на друге, а между ними виднеется... рыбий хвост! Тут же, не раздеваясь, лезем в воду и вытаскиваем рыбёшку, уже мертвую. И немного плоскую. От кирпичей. В руках она кажется не такой громадиной, но мы всё равно довольны. Ещё никогда не ловили такую!

Пока несём добычу домой, опять спорим, чей кирпич был сверху и убил плотву. Мы совершенно мокрые, с ног до головы. Вымокли, пока доставали рыбешку. Дома торжественно показываем наш трофей. Все нас хвалят, потом вдруг вспоминают, что нам запрещается «ковыряться» в речке, и начинают ругать. Но недолго. Потому, что сегодня воскресенье, и накрыт стол, и все сидят вокруг, и торжественно едят щук. Уху из крокодильих голов и большие жареные куски. И нас усаживают за стол и вкусно кормят. Только предварительно переодевают и отмывают.

Бамбуковые удочки. Ура! Мы едем на рыбалку! На залив! Отец сообщает эту новость за два дня до выезда, чтобы мы с Сашкой как следует подготовились. Мама сопротивляется немного, говоря, что я ещё маленький, и что там со мной может произойти всякое, но отец смеётся, целует маму в щеку и говорит, что всё это ерунда, и что я уже совершенно большой. А ещё говорит, что он ждал, когда я научусь плавать, и теперь меня можно брать куда угодно, потому что я не утону.

Все дни до рыбалки мы собираемся. И говорим только об этом. Пристаем к мамам и бабулям, выпрашивая у них тёплую одежду, запасные носки, резиновые сапоги... И быстро всем надоедаем. Нас изгоняют из дома, и мы начинаем искать червей. Переворачиваем кирпичи и камни, которые лежат в траве, и смотрим, что там есть. Там много всего: и муравьи, и сороконожки, и быстроногие жужелицы, и слизни, и,

конечно же, червяки. Ещё мы собираем червей утром, после дождя, когда они во множестве выползают на поверхность. Мы набираем червей несколько банок из-под консервов, и отец, когда видит наши запасы, улыбается и говорит, что нам их хватит на три с половиной года непрерывной ловли. И мы радуемся, что так много набрали.

Отец дарит мне настоящее бамбуковое удилище, которое собирается из двух половинок, которые втыкаются одна в другую. Для этого приделаны трубочки из гильз. Эти металлические трубочки входят друг в друга очень туго, и когда надо разбирать удилище, то мне это долго не удастся. Помогает отец. А Сашке дядя Петя вручает трёх коленное удилище. Оно намного длиннее моего, и я ему – Сашке – здорово завидую. Но потом Сашка, тренируясь дома в сборке и разборке удилища, разбивает любимую чашку бабушки, и у него это длинное удилище отбирают на совсем, а выдают такое же, как у меня, и я успокаиваюсь.

К моему удилищу привязана тонкая леска с поплавком, свинцовым грузиком и маленьким крючком. В более толстую бамбуковую половинку вделаны загнутые металлические гвоздики без шляпок. На них наматывается леска, и крепится крючок. Эти гвоздики для наматывания лески называются мотовильцем. Если мотовильца нет, то леска будет все время болтаться, крючок обязательно зацепится за что-нибудь, и леска оборвется. И рыбачить будет нечем. Поэтому у настоящих рыбаков, когда они не рыбачат, леска всегда на-

мотана на мотовильце. Мы с Сашкой хотим стать настоящими рыбаками и сразу наматываем лески на мотовильца, но всё равно часто разматываем и тренируемся дома в забросах. Поэтому крючки цепляются за что попало и там застревают, а когда мы их выдергиваем, то в одежде остаются места, где видно, и нам опять влетает «по первое число». Почему «по первое», а не «по второе» или «по третье», мы не можем понять. Но тренировки свои прекращаем.

Куршский залив. Наконец настает суббота. После обеда все рыбаки в рыбацкой одежде грузятся в старый трофейный автобус. И мы с Сашкой грузимся. С удочками и вещами. А Рекса сначала не берём. Его голова высовывается из окна и смотрит на нас печальными глазами, смешно наклоняясь то в одну, то в другую сторону. Мы показываем Рексину голову отцу, и тогда он улыбается и разрешает кобеля взять. И мы снова вместе!

Отец перед рыбалкой на Куршском заливе. 1950-е годы

Дорога до залива долгая. Старенький автобус едет медленно, его потряхивает на ухабах, и мы почти всю дорогу спим. Просыпаемся, когда уже совсем приезжаем. Сначала мы видим берег. Он тянется вдоль залива длинной широкой полосой, а по заливу в мелкой воде виднеется ещё одна полоса – камышей. И уже после полосы камышей – вода. Много воды. Мы столько ещё не видели. Очень-очень далеко, там, где вода встречается с небом, еле заметно темнеет тоненькая чёрточка. Она как будто висит над водой. Отец называет

её Куршской косой, и говорит, что когда-нибудь непременно нам её покажет, потому что это очень интересное место. Там чистое море и белый песок с кусочками янтаря, который море выбрасывает на берег после шторма. И мы с Сашкой тут же начинаем мечтать, как будем собирать янтарь и что будем с ним делать.

Наш автобус стоит на ровной заасфальтированной площадке. Асфальт старый, в трещинах, через которые проросла трава. Рядом виднеются развалины домов и кучи всякого мусора. От асфальтовой площадки в залив отходит несколько бетонных причалов. Все они разрушены, только один целый. Отец объясняет, что здесь стояли фашистские военные катера и была их база. И что место очень удобное для рыбалки. Потому, что сразу глубоко. И глубина даже выше дяди Петиного роста. А дядя Петя очень высокий.

Несколько рыбаков начинают готовить еду, а остальные – накачивать огромную резиновую лодку. Она грязно-жёлтая с чёрными уключинами, тоже резиновыми. Называется она «десантная». В этой лодке свободно помещаются человек десять рыбаков. Мы с Сашкой радуемся, что нас тоже возьмут в лодку, и мы будем ловить, но отец говорит, что пока мы должны освоить рыбалку с берега, с бетонного причала. После еды все рыбаки усаживаются в лодку, вставляют короткие весла в уключины и дружно гребут в залив. С нами остается матрос-шофёр, которому тоже дают удочку, чтобы он развлекался и следил за нами.

Первые трофеи. Мы собираем удочки, берем по банке червей и идем на причал. На тот, который не совсем разрушен. Ветра почти нет. Небольшие волны мягко плещутся в камнях, вывалившихся из бетона в тех местах, куда попали наши снаряды и бомбы. Потихоньку вечереет, солнце стоит низко над водой где-то за Куршской косой, небо чистое. Над водой пролетают неторопливые чайки и быстрые кулики и утки. Уток очень много.

Наживляем червей и закидываем удочки в воду. Никаких катушек у нас в ту пору не было, поэтому забросы получаются недалёкими, но нам и этого вполне хватает. Почти сразу рыбы видят наших червячков и начинают ими лакомиться. Поплавки одновременно дёргает и притапливает. Мы знаем, что надо подсекать, и подсекаем. Сашка выдёргивает из воды большого пескаря, а я – маленького окуня. Мы вскакиваем, начинаем хватать рыб и сильно запутываемся лесками. Рекс тоже мечется по причалу и, хватая рыб, запутывает наши лески ещё больше. Когда мы, наконец, рыб отцепляем и как следует нарадываемся на них, то долго распутываемся. И решаем разойтись подальше друг от друга, чтобы больше не запутываться.

Золотой лещ. Сашка находит место между большими камнями и забрасывает удочку в сторону берега, а я ухожу по причалу в озеро и закидываю туда, где поглубже. Сашка все время что-то подсекает и вытаскивает, и громко орёт при этом. А у меня долго ничего не клюет. Мне становится

обидно, и я размышляю, не вернуться ли мне к Сашке. Но и возвратиться ни с чем тоже обидно. Так я и сижу, не зная, что делать.

Вдруг мой длинный поплавок, сделанный из гусяного пера, трясется и ложится на воду. Подумав, что крючок зацепился за подводную траву – такое уже было – я сильно дёргаю. Но никакого зацепа нет; крючок с остатками червяка свободно вылетает из воды и падает вместе с грузилом, поплавком и леской за моей спиной, чуть не угодив при этом в Рекса. Тогда я понимаю, что червяка хватала какая-то рыба. И наживляю самого крупного и самого красного червя. Почти сразу же поплавок снова ложится на воду. Я жду. Полежав немного, поплавок выпрямляется и чуть притапливается, а затем кто-то как потащит его в сторону! В этот момент я и подсекаю. Отец потом, слушая мой сбивчивый рассказ, говорит, что я случайно выбираю самый лучший момент для подсечки.

На крючке ощущается очень большая рыба. Она сильно сопротивляется, и мне никак не удаётся приподнять её на поверхность. Но я продолжаю тянуть что было сил, и вдруг рыбина легко выходит наверх и ложится на бок. Это огромный лещ. Его блестящая чешуя отливает золотом. Крепко сжав удилище в руках, я волоку рыбину вдоль причала к месту, где легче вытянуть её на сушу. Лещ спокойно волочится следом за мной. И дышит большим ртом. Когда я выволакиваю леща на берег, то снова, по счастливой случайности, тонкая лес-

ка, не рассчитанная на такую рыбину, не обрывается. Лещ, вытащенный на причал, понимает, что пришел конец, и начинает биться. Мне приходится накрыть его своим телом и долго удерживать, как герой одного военного фильма, когда он накрыл своим телом брошенную фашистом гранату, а она не разорвалась. Пока я лежу на леще, Рекс бегает вокруг и воеет. А потом громко лает. Сашка слышит лай, думает, что я упал в воду, бросает удочку и прибегает. Увидев, как я лежу на большом леще, Сашка сразу бахается на меня, сверху, а я тогда ему начинаю орать снизу, что лещ уже заснул. На самом же деле я боюсь, что мы раздавим леща, и он будет таким же плоским, как та плотва между кирпичей, и что мне нечего будет показать отцу. Когда мы раскатываемся в разные стороны, то видим, что затихший лещ и вправду заснул.

Потом мы с Сашкой и Рексом садимся и начинаем с удовольствием рассматривать пойманного леща. Его широкая спина почти чёрного цвета, с каким-то сероватым налетом. Крупная чешуя по бокам тускло золотится. Раскрытый рот рыбины вытянут трубочкой. Огромный хвост больше моих раскрытых и составленных вместе ладоней.

Сашка берёт мою удочку и банку с червями, а я с трудом поднимаю леща, и мы бредём к месту, где рыбачил Сашка. Там мы слегка отдыхаем, а Сашка хвастается своим уловом. У него восемь пескарей, три плотвы и большой окунь. Но когда он кладет своего большого окуня рядом с моим лещом, то мы видим, что его окунь становится вдруг маленьким. В это

время к нам подходит шофёр, который начал беспокоиться. Увидев наш улов, он сильно удивляется и хвалит. Особенно он удивляется лещу. И мы знакомимся. Шофёра зовут дядя Миша. Когда дядя Миша протягивает руку, чтобы поднять рыбину и помочь нам её нести, то Рекс рычит и щёлкает на дядю Мишу зубами. Потому, что Рекс уже начал охранять нашу добычу.

Когда почти совсем темнеет, слышится плеск вёсел, разговоры и смех возвращающихся рыбаков. Тёмный силуэт лодки с трудом просматривается на фоне чуть светлеющей воды. Рыбаки поймали очень много рыбы: подлещиков, плотвы и густеры. Особенно много крупных окуней, потому что рыбаки ловили, «стоя на каменной банке». Так сообщает отец. И мы с Сашкой сразу представляем, что где-то в заливе находится большая каменная банка, брошенная каким-то великаном, и как рыбаки с трудом залезают на неё, и как, стоя и балансируя на краях этой банки, ловят рыбу. Но тут отец терпеливо объясняет, что «банкой» называется подводная мель, и что «стоять на банке» – это значит бросить там якорь.

А потом все рыбаки начинают толпиться вокруг нашего улова и обсуждать. И решают, что мой лещ оказывается больше самой крупной рыбины, пойманной ими. Они очень удивляются, как это мне удалось его вытащить. Отец доволен. Он взвешивает рыбину на безмене и сообщает всем, что лещ весит два с половиной килограмма. Безмен – это такие карман-

ные пружинные весы. Они должны быть у каждого рыболова. И тогда Сашкин дядя Петя заявляет, что завтра утром он с рыбаками в лодке не пойдёт, а будет с нами ловить с причала. Так ему лещ нравится. А потом, глядя на расстроенного Сашку, добавляет, что таких больших пескарей в своей долгой рыбацкой жизни он никогда не видел. И Сашка, который завидовал, успокаивается.

Отравление. После долгого ужина у костра, с разговорами и смехом, готовимся ко сну. Ночь тёплая. Все взрослые укладываются на расстеленных куртках и укрываются чёрными морскими плащ-палатками. Нам с Сашкой велят лезть в автобус и располагаться на его мягких сиденьях. Рекс не хочет залезать с нами. И нам очень странно, что никто из взрослых даже не обращает внимания на это. Рекс устраивается вместе с отцом, на его куртке. Иногда кобель высовывает голову из-под плащ-палатки и охраняет.

Когда мы с Сашкой лезем в автобус, нам кажется, что внутри сильно пахнет бензином. Резкий запах бьёт в нос. Но спать очень хочется, и мы, удобно устроившись на мягких сиденьях, мгновенно засыпаем...

Нас спасает шофёр дядя Миша, который лезет в автобус за каким-то инструментом. Он и видит, что на полу разлился бензин. Почти целая канистра. И пары вокруг летают. А мы лежим бледные и как мёртвые, и почти не дышим. Дядя Миша орёт и всех поднимает. Нас выволакивают на воздух и начинают откачивать. У кого-то отыскивается молоко, и нас

им отпаивают. А перед этим делают искусственное дыхание. Нам с Сашкой везёт, что среди рыбаков есть военный врач. Все сильно ругают дядю Мишу, что он не досмотрел за канистрой. А по-моему ругать его не за что; ведь он нас спас.

Когда мы приходим в себя, то у нас ещё долго болит голова. И хочется спать. Но спать нам не дают, а всё время поят крепким чаем, потому что молоко кончилось. И поэтому мы с Сашкой часто, шатаясь, ходим в ближние кусты. Врач говорит, что это хорошо. И что надо и дальше пить чай и ходить в кусты. И мы пьем и ходим в кусты всю ночь, до самого утра.

В десантной лодке. Утром мы становимся совершенно здоровыми, только сильно хочется спать. Все радуются нашему выздоровлению, и на радостях, чтобы мы совсем продышались и поправились, берут с собой на рыбалку. На десантной лодке! Рекс долго бегает по берегу и подвывает, чтобы взяли. Но брать собаку в резиновую лодку нельзя, потому что он может легко проткнуть дно или борт своими крепкими когтищами.

Нам с Сашкой выдают специальные морские резиновые головные уборы. Они называются «зюйдвестки», и мы тут же натягиваем их на головы. «Зюйдвестки» защищают моряков от ветра и брызг. Рыбаки подплывают к каменной банке и сбрасывают на неё «кошки». Это такие кривые якоря с когтями. Их бросают с кормы и с носа. Они страшно цепкие, как настоящие кошачьи когти, поэтому мгновенно зацепля-

ются за камни. Рыбаки, которые «кошки» сбрасывают, докладывают отцу, что «якоря забрали». И мы снова не можем понять, кто же смог забрать на дне наши якоря, пока отец не объясняет, что морское слово «забрать» и означает «зацепиться» за грунт.

Глубина над банкой небольшая, и мы с Сашкой можем ловить своими короткими удочками. Другие рыбаки ловят длинными. А ещё иногда забрасывают короткие с большими катушками и толстыми лесками, на концах которых привязаны металлические приманки-блесны. Эти удочки называются спиннингами. Блесны, когда их забрасывают и начинают подтягивать, играют в воде как настоящие живые рыбки. Блесны маленькие, белые, красные и жёлтые. На них клюют окуни разных размеров. Иногда, между окунями, спиннингисты выволакивают приличных судаков. Самых маленьких окуней рыбаки отпускают обратно в воду, приговаривая:

– Не вырос! Подрасти еще! Встретимся попозже!

Нам с Сашкой очень нравятся спиннинги, и мы договариваемся, как только вернёмся домой, сразу же начать их делать.

На длинные удочки с поплавками ловится много рыбы. Особенно много крупной плотвы, густеры, окуней и подлещиков. Мы с Сашкой выуживаем по большому окуню и очень радуемся. Дядя Петя вылавливает самую крупную плотву весом около килограмма. А отец – леща, но не такого большого, как у меня. Когда в лодке рыбаки тихо обсуждают

мою вчерашнюю добычу, то отец говорит, что самые крупные лещи обычно ловятся на червей-выползков. Только не на тех тоненьких розовых червячков, которых мы с Сашкой набрали после дождя на асфальте, а на огромных, которые выползают ночью из земли и греются при лунном свете. Они такие большие, что даже страшно тащить их из земли. При этом они сильно сопротивляются и норовят залезть обратно в свои норки. И надо их искать с фонариком. Сашка шепчет мне, что он уже не раз видел, как его отец дядя Петя, светя ночью фонарём в саду, собирал выползков на грядках. И мы решаем как-нибудь ночью пособирать этих червей в саду у Сашки. Перед следующей рыбалкой.

Когда мы возвращаемся в автобусе обратно в город, отец просит меня не говорить маме и бабушке о нашем ночном отравлении. И дядя Петя просит Сашку. И мы, конечно, обещаем. Мы понимаем, что если проговоримся, то нас больше никогда на рыбалку не возьмут. А нам уже снова туда хочется. Потому, что мы стали настоящими рыбаками. И Рекс стал настоящим рыбаком.

День рождения бабушек. В следующий выходной, к нашему огорчению, на рыбалку не едем, потому что у моей бабули день рождения. И у бабули Сашки тоже день рождения. Мама называет это очень интересным совпадением. А отец уточняет:

– не только интересное, но и значимое, поэтому надо его хорошенько отметить.

И обе наши семьи решают отмечать день рождения бабуль в доме у Сашки. Мы с ним очень радуемся, потому что хотим ночью половить выползков.

Сашкина семья всегда, к дню рождения своей бабули, покупает на городском рынке «кабанчика» и делает из него вкусные колбасы. «Кабанчик» – это не дикий кабан, а совсем наоборот. Это такая домашняя свинья. Когда делают колбасы, то сначала мелко-мелко рубят мясо и сало, промывают кишки, потом как-то начиняют этим мясом чистые кишки. И, конечно же, варят. Так получаются мясные колбасы. А еще делают толстые кровяные, которые мы с Сашкой очень любим и часто ворует из кладовки, отрезая по кусочку. И нас постоянно выгоняют из дома, чтобы мы не слопали всю колбасу. Но мы всё равно ухитряемся пролезать, потому что всё время хотим есть. Мы растём. К тому же колбасы делаются только раз в году, и нам надо успеть наестся на целый год вперед.

Вечером в субботу все усаживаются за большой стол у Сашкиных родителей. Собралось очень много людей. Два отца, две мамы, две только что родившиеся бабули, мой брат, две Сашкиных сестры и нас двое. Получается одиннадцать человек. А еще Рекс лежит под столом, ожидая, когда ему дадут вкусные объедки. Он двенадцатый.

Семья Дедовых во дворе дома: дядя Петя, Таня, Сашка, Рита, тётя Кира. 1951 год

На столе стоит столько всякой еды, что глаза разбегают-ся. Жареное мясо, рыба, пойманная нашими отцами и на-ми в прошлый раз, несколько сортов колбас, варёная и жа-ренная картошка, лук, редиска, огурцы, помидоры и варёные

яйца, внутри которых находятся жареные грибы. Все овощи из Сашкиного сада, а яйца от кур, которых выращивает тётя Кира, Сашкина мама.

– *Всё своё!* – радуется она.

А ещё стоят тарелки с хлебом и большие блюда с пирогами. Пирог! Их очень любят печь наши бабули и делают это здорово! Огромные круглые ватрушки с творогом, с картошкой, с зелёным луком и яйцами. Но самые вкусные – маленькие пирожки с малиной, вишнями, клубникой и яблоками. У этих пирожков такая особенность: когда их ешь, они сразу начинают таять во рту и быстро кончаются. Тающих пирожков на столе целая гора, потому что бабушки знают, как мы все эти пирожки любим.

Ещё на столе стоят всякие бутылки с разноцветными наклейками и графинчики. В них напитки для взрослых. Вино и водка. Мы с Сашкой переглядываемся, потому что нет наших напитков. И мы немного огорчаемся, что нам нечем будет запивать всю эту вкуснятину. Но тут бабули и мамы вносят сразу несколько кувшинов с самодельным питьём – сладкой ягодной водой. И мы с Сашкой успокаиваемся.

Ждать приходится недолго, потому что все хотят поскорее сесть за стол и наестся. И поздравить бабуль с их рождением. После первого тоста, который говорит хозяин дома дядя Петя, все так набрасываются на еду, как будто сто лет не ели. И мы с Сашкой тоже набрасываемся. А Рекс слышит наше жевание и глотание, и начинает тихонько скулить. Нам ста-

новится его жалко. Сашка быстренько ворует с общей тарелки кусок жареного мяса и бросает ему под стол. И мы слышим, как челюсти Рекса начинают работать, а скулёж прекращается. Потом уже я ворую кусок и тоже бросаю под стол, но неудачно, потому что мясо падает на голую ногу Сашкиной старшей сестре Ритке. Ритка в это время любезничает с Олегом, пытаясь с ним заговаривать; она на следующий год заканчивает школу и становится совсем взрослой. Мама говорит, что она – «на выданье». И мы не понимаем, как это. То ли ей должны были что-то выдать, то ли это она должна была кому-то. И вот, когда Ритка пытается Олега разговорить, кусок мяса попадает ей по ноге. И Ритка начинает визжать не своим голосом. Когда все проясняется, Рекса из-под стола изгоняют в сад, а нам с Сашкой делают последнее предупреждение, но пока за столом оставляют. Ритка пересаживается от нас подальше, и пир продолжается.

Дедовы: дядя Петя, тётя Кира, Сашка, бабушка Женя, Рита и Таня.

Декабрь 1955 года

Выползки. Когда все наедаются до отвала мясом, рыбой и колбасой, дядя Петя вносит самовар, и начинается чаепитие с пирогами. После чая Олег и Сашкины сестры исчезают погулять, а нам с Сашкой велят умываться и укладываться спать на веранде, где уже приготовлена на полу постель. Вот и прекрасно! Веранда выходит дверью прямо в сад, и эта дверь в летнее тёплое время никогда на замок не закрывает-

ся. Через раскрытую дверь из сада на веранду часто проникают куры и цыплята и оставляют на полу и подоконниках помёт. От этого на веранде запах, но все к этому давно привыкли и не замечают. И мы с Сашкой тоже привыкли и не замечаем. И Рекс привык к курам, после когда-то полученной трёпки, и делает вид, как будто их вообще не существует. Фонарик у Сашки давно приготовлен, большие банки для червей тоже. Мы тихо-тихо лежим и ждём, когда родители уgomонятся и тоже разойдутся спать. Мои родители и бабуля очень любят оставаться на ночь в доме у Сашки, потому что дружат с его родителями и бабулей. Это настоящая дружба. И мы с Сашкой тоже настоящие друзья. Всё равно как родные братья.

Наконец в доме всё затихает. Мы ещё лежим немножко, для верности, и вылезаем из-под одеяла. Быстренько одеваемся и, взяв фонарь и банки, тихо открываем дверь в сад. И тут чуть не орем с испугу. На ступеньках спит какой-то зверюга, который тут же на нас набрасывается и начинает облизывать. Это всеми забытый и голодный Рекс. Пока я удерживаю пытающегося бурно радоваться кобеля, Сашка проникает обратно в дом и выносит Рексу миску с едой. Потом мы укладываем его спать на нашу постель, а сами зажигаем фонарь и отправляемся на ночную охоту за выползками. Фонарь керосиновый, я не умею его разжигать, а Сашка умеет, и я быстренько у него выучиваюсь. Сашка подворачивает фитиль так, чтобы свет стал не очень ярким, и закрывает стек-

ло. В саду темно, даже луны нет, и мы немного побаиваемся, пока идём к грядкам. И ещё мы начинаем сомневаться, выползут ли черви, ведь им надо греться при лунном свете, а луны-то и нет. Только звёзды. Но когда подходим, перестаём бояться, потому что на грядках лежат выползки! Огромные! Они греются при слабом звёздном свете и слегка поблескивают. Это их скользкая слизь блестит. Надо начинать их хватать, но мы всё обсуждаем, кто будет первым. Сашка предлагает мне, как гостю, а я объясняю Сашке, что грядки-то его, поэтому должен хватать первым он. Наконец мы договариваемся хватать одновременно. Чтобы никому обидно не было. Сашка ставит фонарь на грядку, мы выбираем червей размером поменьше, и схватываем. Черви сопротивляются так, что мы этих первых червей из пальцев выпускаем. И они удирают в свои норки. От шума шевелятся и удирают другие черви, загоравшие рядом. Мы затихаем. Когда черви снова спокойно вытягиваются на грядке, мы смелеем и уже увереннее хватаем выползков и сажаем в банки. Половив у первой грядки, мы переходим к другой, потом к следующей. Так мы долго ловим, но потом понимаем, что уже хватит, прячем банки на веранде и бухаемся спать, очень довольные днём рождения бабуль.

Наутро возникает большой переполох, и нам опять достаётся по первое число. Дело в том, что рано утром тётя Кира идёт через веранду в сад кормить кур, и обнаруживает нас троём в одной постели. Крепко спящих, с ног до головы из-

мазанных землёй с грядок. Втроём – это значит Сашка, я и Рекс. Простыни тоже вымазаны землёй. Мы с Сашкой спим поперёк постели, а грязный Рекс – на подушках. Банки мы ночью плотно не закрыли, поэтому огромные черви расползлись по всей веранде. Утром куры проникли через неплотно закрытую дверь и с насаждением клевали выползков, старающихся удрать от них во все щели, и даже к нам в постель. От этого куриного клевания на простынях тоже виднеется помёт и раздавленные выползки. А в саду все грядки истоптаны нашими ночными ногами. И превратились – как сообщает расстроенная тетя Кира – «чёрт те во что»! Нас спасают наши отцы, которые сразу всё понимают. Они даже довольны, как мы смело научились хватать длинных выползков. К тому же ночью.

Черви не все повыползли из банок. Тех, что там остались, нам с Сашкой вполне хватит для следующей рыбалки на Куршском заливе. И мы надеемся, что опять удачно порыбачим с десантной лодки и с причала.

Едем на канал. Но в следующий раз мы едем не на залив, а на канал. Отец объясняет, что под Кёнигсбергом вообще много каналов, прорытых когда-то давно, ещё в прусские старые времена. Одни соединяют залив и реку, другие – реку и море. Мы едем на такой, который соединяет реку с морем. Перед отъездом отец говорит, что удочек брать не надо, потому что мы будем ловить угрей. На закидушки-донки. И что там очень пригодятся выползки, которых мы с Сашкой

насобирали.

Поездка на канал начинается очень интересно, потому что мы едем не на автобусе, а на машине дяди Пети. У них в семье старенькая «эмка», которую Сашкин отец всё время чинит. Он чинит её всегда, когда не на службе, или не на рыбалке, или не на охоте. «эмка» выкрашена в разные цвета. Местами чёрной краской, местами – серой, а вмятины почему-то закрашены жёлтой. Вмятин и царапин множество, да и мотор часто барахлит, но дядя Петя всё равно очень доволен машиной, и всё время предлагает прокатиться. В Сашкиной семье никто не хочет кататься, потому что уже не раз застревал где-нибудь из-за поломки. Только мы с Сашкой любим «эмку» и всегда катаемся с удовольствием, но одних нас дядя Петя катает редко. Рекс тоже любит «эмку» и с радостью в неё запрыгивает.

В эту поездку вперёд садятся дядя Петя и отец. За рулём, конечно, дядя Петя. На заднем сиденье устраиваемся мы с Сашкой и Рекс. А в багажнике лежат вещи и сверток с удочками-донками. Место у правого окна разыграно «на морского». Таким способом решать бесконечные споры нас недавно научили отцы. «На морского» – это значит, когда на счет «Три!» все участвующие в споре выбрасывают сколько-то пальцев. Потом пальцы пересчитывают и начинают определять победившего, начиная счёт с того, кто выкинул меньше всего пальцев. В этот раз выиграл Сашка, он и усаживается у правого окна. Но я всё равно сажусь к нему так близко, что

мы торчим из окна почти одинаково. Место у левого окна давно отвоёвано Рексом, поэтому ни у кого из нас даже в голову не приходит отправить кобеля в середину. Рекс смешно высовывает голову и ловит прохладный воздух раскрытой пастью. При этом у него сильно удлиняется шея, розовый язык тоже удлиняется и болтается из стороны в сторону. С языка летит слюна. Иногда встречный ветер так задувает в его раскрытую пасть, что в зубах начинает сильно гудеть. Рекс пугается и на несколько секунд прячет голову внутрь. А потом снова высовывает.

Так мы едем долго. Дорога очень красивая, с полями и перелесками. Она асфальтовая, и засажена по обочинам деревьями. Отец говорит, что это липы. Стволы деревьев выкрашены белой краской-известкой. Чтобы край дороги был заметен в темноте. Немецкая известка уже прилично стёрлась от дождей. И скоро придется сверху мазать советской известкой. Часто встречаются глубокие воронки от бомб и снарядов, которые дядя Петя осторожно объезжает. Почти все хутора и городки лежат в развалинах. На полях и обочинах виднеются ржавеющие танки, пушки и всякие металлические штуки. Больше всего фашистских танков, с чёрными крестами на броне. Несколько раз мы замечаем в поле надписи «Мины!». В каком-то городке отец показывает на небольшое серое здание и объясняет, что это – «вилла Эдит». И что из ее подвала прорыт подземный потайной ход прямо в центр Калининграда. И нам с Сашкой тут же хочется высо-

читать из машины и поискать этот подземный ход. Но отец говорит, что этот ход завален, и пока его не могут найти и откопать.

Ночная рыбалка. Подъезжаем к каналу уже в сумерках. Быстренько выскакиваем и снаряжаем донки. И забрасываем. Мы с Сашкой никогда не видели донок, и не умеем их забрасывать, поэтому пока только смотрим.

Донка-закидушка состоит из короткой и крепкой бамбуковой или просто деревянной палки, к которой крепится очень длинная толстая леска с тяжелым свинцовым грузом на конце в форме плоской лепёшки, отлитой в ложке для супа. Выше груза привязывается несколько поводков с большими крючками, на которые и насаживаются выползки. Перед забросом леска укладывается на чистом месте аккуратными кольцами, потом берётся за эту леску выше поводков, и, сильно раскрутив груз с поводками, забрасывается подальше в канал. После, подтянув снасть, леска прикрепляется к концу удилища, уже воткнутого в землю. И подвешивается колокольчик, чтобы в темноте услышать поклёвку рыбы.

Отец и дядя Петя забрасывают много донок вдоль берега. Нам они тоже выделяют по одной донке. Все донки расставляются недалеко от машины, поэтому мы возвращаемся к ней и принимаемся распаковывать вещи. Чтобы устроиться на ночь и поужинать. Нам с Сашкой очень хочется есть, но ещё больше – поймать угря. Однако отцы объясняют, что

угри – это ночные хищники и будут клевать позже, когда выйдут на охоту. К тому же звон колокольчика мы всё равно услышим, и тогда подбежим. Угорь хорошо заглатывает наживку, поэтому сходов мало. Так они объясняют. И мы всё понимаем, потому что уже давно стали настоящими рыбаками. Ещё с прошлого раза. Раньше мы уже видели угрей, которых привозили с рыбалки. Это длинные тёмные рыбины, похожие на больших змей, с маленькой злой головкой. И очень вкусные. Особенно копчёные. Дядя Петя сам коптит их в саду, в большой самодельной коптильне. Самая вкусная часть в угре – это слой жира под его кожей.

Пока ужинаем у маленького костерка и неторопливо пьем чай, совсем темнеет, и мы идем к донкам. Оказывается, что на одной из дяди Петиних донок уже брала какая-то рыбина, но потащила приманку к берегу, поэтому леска ослабла, и колокольчик не зазвенел. Дядя Петя решает не вытаскивать донку, он просто подтягивает леску и снова прикрепляет колокольчик.

Мы садимся у своих донок и ждём. Спать совсем не хочется. Восходит луна, и становится светло. Да и глаза уже привыкли. Чистые, без деревьев и больших кустов, берега канала полого спускаются почти к самой воде. Они поросли невысокой травой с проплешинами. У воды небольшой обрывчик со старыми деревянными сваями, стоящими в мелкой воде. Сваи сильно повреждены червяками-древоточцами. Некоторые совсем трухлявые. Рядом со сваями в лун-

ном свете виднеются всякие водные растения. Мы сидим рядом на обрывчике, сбоку пристроился тёплый Рекс. Неподалеку тихими голосами разговаривают отцы и чему-то смеются. Хорошо и спокойно...

В ночной темноте резко звенит колокольчик на донке отца. Мы сломя голову мчимся к нему и успеваем всё увидеть. Отец специально не спешит, чтобы показать нам, как надо действовать. Угорь – сильная рыба и сопротивляется до конца. Даже тогда, когда уже совсем вытащен на берег. Он извивается кольцами, как змея, и мы с Сашкой немного боимся хватать его. Угорь большой. Его вес на безмене получается чуть больше килограмма.

Как только отец насаживает рыбину на кукан и отправляет в воду, звенит колокольчик у дяди Пети. И он тоже вылавливает большую рыбину, но не угря. Это судак. У него темная спина и на спине острые колючки в плавнике. Ничего, и судак нам пригодится. Судака тоже сажают на тот же кукан. Кукан – это такая крепкая верёвка, на которую нанизывают сквозь жабры пойманную рыбу, и опускают в воду, чтобы рыба не испортилась. А один конец кукана привязывают к ветке или еще к чему-нибудь на берегу, чтобы рыбы на кукане не вырвались на волю.

Дело пошло. То один колокольчик звякает, то другой. Дядя Петя и отец с большим трудом успевают перебежать от донки к донке. Мы тоже мотаемся вместе с ними и смотрим, что же в этот раз на крючке. Ловится хорошо. К середине но-

чи поймалось уже много угрей и судаков. Даже мы с Сашкой вытаскиваем по небольшому угрю. Наши угри не черные, а какого-то зеленовато-серого оттенка. Но мы все равно очень рады, потому что впервые поймали этих интересных рыб.

Так мы ловим всю ночь, а утром ложимся спать, и спим у костра до обеда. После обеда мы вытаскиваем тяжеленный кукан с пойманной рыбой, перекладываем рыбу крапивой, чтобы не завоняла в дороге, и едем домой.

Эта ночная рыбалка нам с Сашкой тоже очень понравилась, и мы упрашиваем отцов всегда брать нас с собой. И за Рекса просим, потому что он вёл себя в этот раз очень хорошо, в воду не прыгал, а всё время нас охранял.

Спиннинг из ветки. В один прекрасный день мы с Сашкой решаем заняться изготовлением спиннингов. Коротких и крепких бамбуковых удилищ у нас нет, поэтому придумываем вырезать их из веток деревьев. На территории училища много деревьев: молодых, посаженных во время воскресников по озеленению, и старых, оставшихся ещё от немцев. Самые большие деревья – это дубы, клёны и каштаны. Вооружившись перочинными ножичками, мы лезем на дерево и с огромным трудом срезаем по дубовой ветке. Но эти ветки какие-то корявые, кривые, а древесина такая крепкая, что наши не очень острые лезвия совсем тупятся, к тому же Сашка сильно обрезает палец. И льётся кровь, которую Сашка непрерывно сосет из пальца. И мы начинаем спорить, можно ли всю кровь высосать. А потом и у меня нож соскальзывает

с ветки и случайно втыкается в ногу. И тоже идёт кровь. Мы знаем, что надо найти подорожник, облизать языком и приложить листок к ране. Когда находим, смазываем слюной и прикладываем, то видим, что кровь уже и так почти не идёт. Но мы всё равно прикладываем и маленько ждём.

Потом лезем на каштан и срезаем ветки с него. И опять неудача. Самыми лучшими оказываются ветки с клёна. Они длинные и ровные, и легко режутся. И с них очень просто сдирается кора.

Когда мы изготавливаем по удилищу, то задумываемся, из чего бы сделать катушки. И долго не можем придумать. Наконец Сашка додумывается, что у нас же есть детские конструкторы, подаренные в прошлом году на наши дни рождения. Сейчас-то они заброшены, потому что мы в них уже не игрались как следует, да и некоторые детали запропали куда-то. А тогда, когда нам их только подарили, мы очень любили в них играть, и всё время собирали всякие металлические игрушки: танки, тракторы, домики, тачки и всякое другое. Среди не пропавших деталей сохранилось несколько больших колёс, из которых мы и начинаем делать катушки. Сначала мы свинчиваем по паре одинаковых колёс вместе. Получается катушка. Мы радуемся и на край приделываем ручки для вращения этих катушек. Тоже из винтиков с гайками. В середину катушек вставляем длинные гвозди, которые проходят насквозь через катушки, а потом вбиваем гвозди в ручки удилищ. Но не совсем туго, а так, чтобы ко-

лёса-катушки вращались. Из мягкой медной проволоки сгибаем кольца и привязываем крепкими нитками к удилищам. Через кольца пропускаем лески, концы которых крепим к катушкам. И наматываем лески на катушки. И у нас все получается!

Мы без конца то сматываем лески с катушек, то наматываем снова, но потом опять задумываемся, из чего бы нам сделать блесны. Задумываемся не надолго, а на маленько, потому что сразу придумываем сделать их из консервных банок. Роемся на свалке и выбираем самую новую и сверкающую банку. Выкрадываем у бабули ножницы и начинаем резать. И снова обрезаемся об острые края банки. Но не сильно, поэтому кровь сама перестаёт идти. Без подорожника. Блесенки получаются не очень ровные, но нам кажется, что все окуни сразу побегут за ними и будут на них охотиться. Крючки-тройнички у нас припрятаны заранее, и маленькие заводные колечки тоже, поэтому, пробив гвоздем дырки в блесенках, мы быстро оснащаем их крючками.

Наконец-то всё готово, и мы весело бежим пробовать спиннинги в бассейне и в речке. Но там оказывается, что при забросе катушки не крутятся, леска с них не хочет сбегать, и блесна не летит. И мы тут же вспоминаем, что не приделали грузики. Их надо было прикрепить повыше блесен. Свинца в наших запасах всегда хватает; мы находим тонкий, плоский и мягкий кусок, отрезаем теми же бабушкиными ножницами нужные размеры, и накручиваем свинец на лески. Потом

бьём молотком и получают приличные грузила. Бабушкины ножницы совсем тупятся, и мы их выбрасываем за забор, потому что боимся. И решаем вообще не сознаваться, что брали.

Оснащённые грузиками лески летят не очень далеко, но всё-таки летят, блесенки плывут в глубине воды и поблескивают, приманивая рыбу. Мы очень рады и с нетерпением ждем ближайшей рыбалки. С гордостью развешиваем спиннинги над кроватями и, просыпаясь утром, сразу же смотрим на них, мечтая о будущих, пойманных на наши прекрасные спиннинги, рыбах.

Люблинское озеро. В следующее воскресенье мы с нашими семьями – Дедовых и Филипповых – едем на озеро Люблинское. В полных составах. С мамами, бабулями и сёстрами. Только Олег не едет. Он на штурманской практике после первого курса учебы, и идёт сейчас по Балтийскому морю на эсминце. Стоит где-нибудь на мостике, смотрит в бинокль на берега, знаки и маяки, потом – на компас, и прокладывает кораблю путь. Так говорит отец, объясняя переживающей за Олега маме. Да мама не особенно и переживает, совсем мало, потому что она настоящая военно-морская жена, и прошла с отцом «огонь, и воду, и медные трубы». Мы с Сашкой не понимаем, в какие такие медные трубы влезала мама, и где они находятся, но спросить стесняемся – вдруг взрослые будут опять смеяться? Спрашиваем мы слишком часто, и от этого всем надоедаем...

На рыбалке на Люблинском озере. Лето 1950 года

Озеро Люблинское расположено совсем рядом с городом, поэтому поездка туда недолгая. Озеро довольно большое, извилистое, с мелкими заливами, глубоко вдающимися в лесистые берега. Над водой свешиваются всякие кусты и деревья. В основном ивы. Мы с Сашкой любим залезать на ивы, на те, которые стволами потолще, и ловить прямо с них. Так наши забросы получаются подальше.

Озеро густо заросло подводной растительностью, поэтому много рыбы. Есть щуки, окуни, плотва, лещи, а в заливах можно поймать толстых линей. А ещё по дну ползают раки. Они тоже иногда схватывают крючок с червяком, и, когда мы вытаскиваем их из воды, забавно висят на крючке, вцепившись клешнёй. Не хотят отпускать добычу. Иногда даже удаётся дотащить рака до берега. Клюет рак так: чуть притопит поплавок, и всё. И так может быть долго. В это время он изучает червяка, как будто обнюхивает. И вертит его в клешнях, как в руках. Мы это видели не один раз в прозрачной воде озера. А вообще раков мы ловим не удочками, а специальными сетками-рачницами, с проволочными обручами. На дно такой рачницы привязывается обжаренная на костре лягушка, и рачница забрасывается в воду. Через некоторое время выволакивается, и в ней всегда сидит несколько раков. А ещё взрослые, купаясь в озере, ловят раков в их норах. Но это трудно, и мы с Сашкой пока боимся. Раков варят в большом ведре, и они становятся красными и очень вкусными. Особенно клешни и хвосты, которые почему-то называются «раковыми шейками». Какие же это шейки, если это точно хвосты?!

Заброшенные могилы. Когда автобус замирает на знакомой поляне на берегу озера, мы с Сашкой тут же удираем в лес. Иначе нас заставят помогать разгружать вещи, собирать сухие ветки для костра, всё вокруг раскладывать... Нам это скучно и неинтересно. Мы бежим на старое заброшенное

немецкое кладбище, о котором взрослые ничего не знают. Рекс с нами не идет, он остаётся в лагере в надежде на еду, потому что перед дорогой его никогда не кормят.

Кладбище маленькое, всего несколько гранитных плит и крестов, заросших плющом и кустами. Нам очень интересно разбирать надписи на плитах и размышлять, кто там под ними лежит, и считать, кто сколько прожил. По-немецки мы читать не умеем, но иногда так получается, что мы всё разбираем. Вот, например, старая полустёртая надпись: “Kurt Maier. 1795 – 1868”. И мы понимаем, что тут лежит давно уже сгнивший немец по имени Курт, который прожил семьдесят три года. И при этом удивляемся, как этот немец, внуки которого, наверное, пытались завоевать нашу страну, ухитрился прожить так долго. А вот мой дядя Коля погиб на войне совсем молодым; ему едва исполнилось двадцать лет. И ещё многие мои и Сашкины родственники погибли в войну от ран и голода. Особенно в блокаду Ленинграда. У меня в блокаду умер дедушка и еще один дядя, дядя Толя. Бабулю, маму и Олега вывезли из Ленинграда совсем умирающими от голода, худыми и тощими. И они долго болели. А мужчины все воевали. Отец и его четыре брата: дядя Серёжа, дядя Вася и два дяди Миши – большой и маленький. Все были ранены, а дядя Миша маленький погиб. Два брата мамы воевали: дядя Коля, который пропал без вести на острове Эзель, и дядя Петя. И все наши родственники тоже воевали или трудились на заводах, делали снаряды, танки и

самолеты. И сильно голодали. Но всё равно победили. И теперь мы здесь живём, а немец Курт пусть и дальше гниёт себе в могиле. Отец говорит, что эта земля испокон веку была русской землёй, и называлась она не Пруссия, а Поруссия.

Старые могилы заросли ещё какими-то растениями, которые мы с Сашкой называем кислицей. У них довольно толстые полые стебли и большие широкие листья. Если срезать стебель и ободрать с него тонкую зеленоватую, с мелкими красными пятнышками корочку, то обнажается сладковато-кисловатая мякоть, которую можно жевать и глотать. В густой кислице бегают юркие ящерицы и прячутся крупные змеи – гадюки. Гадюки, живущие на кладбище, серые, бурые, чёрные, и даже красноватые. Больше всего серых, с извилистым рисунком на спине. Все они страшно ядовитые. Поэтому мы становимся очень осторожными. Недавно здесь же, на Люблинском озере, такая гадюка укусила совсем маленькую девочку, и ребенка не удалось спасти.

Спиннинги работают. Поразбивавшись в надписях и наевшись кислицы, мы возвращаемся в лагерь. Там всё уже разложено, отцы сидят с удочками на берегу, Сашкины сёстры купаются и сильно визжат, а мамы и бабули что-то готовят у костра, отдыхают и беседуют. Мы с Сашкой отыскиваем свои спиннинги и, ухватив у бабуль по куску хлеба и по варёному яйцу, снова смываемся подальше, чтобы всласть опробовать новые снасти. Позавтракавший и поэтому довольный Рекс увязывается за нами.

Когда наши отцы первый раз увидели спиннинги, они нам ничего не сказали, только переглянулись. И даже улыбаться не стали. Неужели они совсем не поверили в наши снасти? Так, размышляя, мы подходим к большому заливу, заросшему кувшинками, кугой, рогозом и стрелолистом. Среди водных трав виднеются прогалины чистой воды, куда мы и собираемся делать первые забросы. Берега залива чистые, без ивняка, который сильно нам помешал бы.

Выбрав по прогалине, мы начинаем. Сначала получается не очень хорошо: то леска зацепляется за какой-нибудь винтик и запутывается, то гвоздь, которым прикреплена катушка, расшатывается. Но потом всё налаживается, и наши забросы делаются лучше и лучше. Вот только никак не можем приноровиться к подводным травам; при каждом забросе большие пучки трав тащатся за блесной, и хищные рыбы не могут схватить блесну.

Первый успех приходит к Сашке. Он ухитряется провести блесну без травы, и на неё цепляется окунь. Не очень большой, но мы так довольны, что пляшем вокруг рыбёшки какой-то бешеный индейский танец!

Моя блесна зацепляется за подводную корягу, и приходится лезть в воду. Неглубоко, поэтому не страшно. Да и Рекс рядом хлупает по мелкой воде. Подбредя к коряге, по натянутой леске продвигаю пальцы в воду и веду к застрявшей блесне. На берегу Сашка удерживает удилище в натяг. Дотянувшись до блесны, кричу Сашке, чтобы он маленько

отпустил леску, иначе мне не отцепить. Потом бросаю вызволенную блесну в воду, а Сашка наматывает леску и вытягивает. В этот момент замечаю какое-то движение под корягой, в её тени. Немедленно запускаю туда руку и... вылавливаю огромного рака, который тут же пребольно вцепляется острой клешней мне в палец. Хочется заорать от боли, но терплю.

Суматоха с родственниками. Вот с такими трофеями – окунем и раком – возвращаемся в лагерь. А там суматоха: приехали родственники из Ленинграда. Мы их ждали на следующей неделе и готовились, но так получилось, что они «сорвались» раньше. «Сорвались» – это выражение дяди Толи Титаренко, который женат на моей двоюродной тёте Жене. Мы с Сашкой решаем попозже выяснить у дяди Толи, откуда они «сорвались». Родственники приехали не одни, а со взрослой дочкой Людмилой. Привез их на озеро друг брата Олега – Володя Озеров. Он тоже курсант, но уже третьего курса, и в этот день – когда приехали родственники – дежурил в училище. Володя хорошо знает озеро, вот поэтому его и отправили вместе с родственниками к нам. Володя с повязкой и пистолетом в кобуре на боку. Привёз он наших родственников на училищном дежурном «газике».

По пути Володе, совершенно вдруг, так начинает нравиться Людмила, что он напрочь забывает про службу. И не хочет возвращаться на службу никогда, пока отец не приказывает ему сделать это немедленно. Мы с Сашкой, когда раз-

бираемся в обстановке, хихикаем и обзываем Володю и Люду «женихом и невестой – тили-тили тестом». И все за нами начинают гоняться, а Людка заявляет родителям, что она не может даже минуты находиться рядом с такими придурками, как мы, и чтобы родители немедленно её увезли в Ленинград. Но никто её увозить не собирается, а все улыбаются, и говорят, что «это судьба». Володя нас отлавливает и уволакивает подальше в кусты, где, совершенно неожиданно, дает нам выстрелить по разу из пистолета «ТТ». За то, чтобы мы больше не дразнились. И мы обещаем, и с радостью выстреливаем вверх, в крону большой берёзы, где сидят вороны и сороки. В птиц мы не попадаем, и от выстрелов они с карканьем разлетаются, а на грохот прибегают наши с Сашкой отцы. И дают нагоняй Володе, но не сильно. Отец приказывает патроны списать, а Володе немедленно убираться в училище. Так мы с Сашкой первый раз стреляем не из мелкашечного револьвера, а из боевого пистолета «ТТ», и нам совсем не страшно.

Володя убирается на «газике» в училище. Суматоха мало-помалу затихает, все садятся, выпивают и закусывают. Сашкины сестры уводят взволнованную и покрасневшую Людмилу купаться, а взрослые тихо переговариваются. Моя бабушка часто повторяет слова «прекрасная пара», а отец не сердито обзывает бабушку «свахой и «сводней». И мы с Сашкой понимаем, что это про Люду и Володю.

Вот это рыбак! От души пообедав и наговорившись, дя-

дя Толя с довольным видом разматывает длиннущую удочку и направляется к озеру. Двигается он медленно по причине огромного живота, который делает нашего родственника чрезвычайно важным. Заметив такой живот, мы с Сашкой сразу же даём дяде Толе прозвище «Пузан». В одной руке у него раскладное кресло и мелкочаеистый садок под рыбу, в другой – удочка. Мы идём следом. Нам очень любопытно, как Пузан дядя Толя ловит, потому что слывет он выдающимся рыболовом. Удобно устроившись в раскладном креслице, дядя Толя величаво отбирает у нас банку с червями, торжественно выуживает из неё толстыми пальцами самого жирного червяка, всячески его вертит и рассматривает, как озёрный рак, потом насаживает на крючок, со всех сторон оплёвывает и, наконец, забрасывает. Все его жесты замедленны, плавны, закончены, и – по-своему – очень красивы. Убедившись, что поплавок-гусинка встал, опытный рыбак... мгновенно засыпает. Над тихим озером раздаётся мощный храп. Мы с Сашкой совершенно поражены, и растерянно переглядываемся. Потом тихо уходим, чтобы не разбудить ленинградского гостя.

Когда же мы через пару часов возвращаемся с проверкой, то поражаемся и удивляемся еще больше. Дядя Толя по-прежнему мирно спит, а в садке у него плещется рыба! И очень много! Стараясь не разбудить удачливого рыбака, подтаскиваем садок к берегу и смотрим. Тут же, как только раздается плеск, Пузан мгновенно просыпается и помогает нам

вытащить тяжелый садок. Чего в нем только нет! И окуни, и крупные подлещики, и плотва... Но особенно красив огромный коричневато-золотой линь, нехотя разевающий круглый рот. Дядя Толя, чуть шевеля губами, свысока объясняет нам, мальчикам, что только с линем ему пришлось по-настоящему повозиться, а остальная рыба – так, мелочёвка. Однако эта мелочёвка тянет, после отцовского, обязательного взвешивания, на целых пять килограммов. Да еще линь полтора. Получается, что Пузан дядя Толя всего за два часа поймал с берега шесть с половиной килограммов рыбы и чудесно при этом выпался! Вот бы нам с Сашкой так научиться! Правда, как тут можно уснуть, если рыба клюет как бешеная...

Картина маслом. В нашей училищной квартире, на стене в столовой, висит большая картина, подаренная отцу курсантами. Они её сами нарисовали масляными красками. Вернее, написали, потому что когда рисуют красками, а не карандашами, то говорят – «пишут». В нижних углах картины надписи. В левом: «Жерегеля В. 48 г.», в правом: «В. Калашников. 48 г.». Это фамилии художников-курсантов, написавших картину, и год, когда написали, 1948. Отец говорит, что это копия с картины старинного русского художника Василия Перова «Охотники на привале». Мы с Сашкой, сколько себя помним, всегда с интересом её рассматриваем.

На картине сидят трое и перекусывают. Наверное, это осень, потому что на кустах нет листьев, а трава жёлтая. Охотников двое, а тот, который посередине, крестьянин,

скорее всего – пастух. Он подошел перекусить за компанию, и его охотники не прогнали. Слева – старый охотник, он что-то увлечённо рассказывает, а справа – молодой. Молодой охотник так заслушался, что даже забыл про папиросу, которая уже потухла. Старый, наверное, сильно врёт, потому что крестьянин-пастух ухмыляется, мол, такого не бывает. А молодой верит, потому что неопытный пока. Мы с Сашкой думаем, что когда молодой станет опытным и старым, он точно также будет врать на привалах про свои охотничьи приключения. Но, может быть, старый и не врет, а просто пастух не знает, что на охоте может произойти всякое. А и верно, откуда же ему знать, если у него даже ружья нет?! Около охотников лежат только два ружья. Отец, глядя на картину, всегда отмечает, что это неточность, потому что ружья на землю класть нельзя.

Слева что-то ест собака, повернувшаяся хвостом к охотникам. Мы думаем, что её хозяин – старый охотник. Потому, что у его ног лежит добыча, а у молодого ничего нет. Старый подстрелил зайца и двух тетеревов. Отец объясняет, что тетерева уже в полном пере, а заяц побелел, поэтому нарисованная осень – поздняя. А ещё отец говорит, что зад собаки похож на зад английского сеттера, но до конца он не уверен.

Заяц напугал. Конечно, мы с Сашкой мечтаем, как будем охотиться, когда маленько подрастём. А пока мы вертимся и мешаемся, когда отцы собираются на охоту. И Рекс всегда вертится и мешается. Охоту он знает и так любит, что пря-

мо скулит и дрожит от нетерпенья. Но его берут не всегда, а только тогда, когда едут «по перу», то есть по птицам: серым куропаткам, перепелам, куликам или уткам. И то не весной, а осенью или зимой, если снега мало, и не очень морозит.

Когда охотники возвращаются, мы бросаемся рассматривать добычу. Весной это обычно вальдшнепы, утки самых разных пород, иногда гуси. Осенью – тоже утки, серые куропатки, коростели и перепела, а также всякие кулики. Очень редко отец приносит тетеревов. Их под Калининградом мало. Зато зайцев-русаков очень много. Их стреляют поздней осенью. Они здоровенные.

Однажды, когда я был совсем маленьким, брат Олег напугал меня зайцем. Вернувшись с отцом с охоты, он позвал меня в кухню. Я, ничего не подозревая, бегу смотреть добычу. И, открыв дверь, столбенею: на меня бежит большой живой заяц! Захлопнув дверь, я в ужасе врываюсь в столовую, где все сидят, и ору, что заяц ожил и сейчас прибежит сюда! Поэтому надо прятаться! Все смеются, а отец показывает Олегу кулак. Оказывается, пока везли зайца домой, тот совсем окоченел, и стал твёрдым. Олег приставил окоченевшего зайца к стене, и получилось так, что заяц как будто бежит. И глаза у него открытые, жёлтые, и смотрят. Конечно, я перепугался. Потом-то я подхожу к зайцу, глажу его шёрстку, рассматриваю хорошенько. И ничего в нём страшного не обнаруживаю. А Олега отец слегка ругает.

Косули и кабаны. Еще отец стреляет кабанов и косуль.

Их тоже много. За ними охотники ездят куда-то очень далеко, с ночевкой. У косуль большие красивые глаза и маленькие рожки, все в пупырышках. Мать жалеет косуль и просит отца их не стрелять, а отец улыбается и обещает. А потом всё равно стреляет и говорит, что в азарте не удержался.

В спальне у отца над дверью висит чучело головы косули. Отец говорит, что это козёл, потому что с рожками. Глаза в чучеле сделаны из стекла, и как будто живые. Они всё время смотрят на того человека, который ходит вокруг.

Кабанов мама не жалеет, а очень вкусно готовит в большой духовке. Духовка встроена в плиту, которая топится углём. На плите всегда что-нибудь жарится-парится. Большой кабаний окорок мама с бабушкой солят и шпигуют кусочками чеснока, а потом запихивают на железном противне в духовку. Там он жарится несколько часов, пока не станет жаристым и совсем готовым. По кухне и по всей квартире идет такой вкусный запах, что все собираются у плиты и нюхают. И Рекс нюхает и пускает длинные слюни. Трясет головой, эти слюни разлетаются в разные стороны и иногда попадают в такие запрещённые места, что Рекса изгоняют их кухни, и он скулит за дверью. Потом Рекса прощают и запускают обратно.

Косуля европейская. Такой она и осталась в нашей семье с 1950-х годов

У отца есть охотничий кинжал, с которым он не расстаётся на охотах. Рукоятка кинжала выточена из чёрного эбонита в форме кабаньей ноги с копытом, и её удобно держать в руке. А ножны обшиты настоящей кабаньей шкурой, снятой с огромного кабана-секача, убитого отцом в прошлую зиму. Секач – это старый кабаньей самец, вождь всего стада. Всё равно, как для нас Сталин. Шкура на ножнах толстая и крепкая, а волос очень жёсткий, густой и короткий. Отец говорит, что он снял её с кабаньей ноги над копытом. В прихожей на деревянной подставочке, которую отец называет медальоном, висят длиннющие изогнутые клыки от этого кабана. Отец не любит рассказывать про ту охоту, потому что на ней секач убил любимую гончую собаку одного из охотников, а самого охотника ранил. Тогда отец подбежал, и метко застрелил кабана с близкого расстояния. Было очень опасно. Мы все знаем про этот случай, и не расспрашиваем.

Трофейные рога и ружья. В прихожей висят большие и очень красивые рога благородного европейского оленя. Их отец привез из Германии, когда был там в командировке. Сразу после войны. Он там участвовал в осмотре кораблей фашистского военно-морского флота, и решал вместе с союзниками, какие корабли кому достанутся. Как трофеи. А

нашими союзниками были англичане, американцы и маленько французы. Рассказывая про эту командировку, мама всегда смеётся над отцом, что он привез из Германии только два ружья и оленье рога. В то время, как другие офицеры везли всякие фарфоровые сервизы, ковры и красивую мебель. Отец тогда делает вид, что очень сердится, хмурится и ругает маму «мещанкой». И говорит, что мы, конечно, победители, но не должны «уподобляться» грабителям-фашистам, и что это очень некрасиво и даже подло. А мама с ним спорит и говорит, что наша семья всё потеряла в годы войны в Ленинграде, поэтому имеет право на трофеи. Но отец не соглашается, а потом они вместе смеются и решают, что без этой дурацкой посуды жить гораздо легче и спокойнее. И лучше сидеть на старых табуретках, только чтобы войны и голода больше не было, а был мир, и никого не убивали.

Про оленье рога отец рассказывает историю, что они будто бы взяты с дачи Геринга, который был страстным охотником и любителем трофеев. А ещё одним из главных кровавых фашистов и соратником Гитлера. Рога прикреплены к черному деревянному медальону, очень тяжелые, все в мелких пупырышках и с пятнадцатью светлыми острыми отростками. На белой лобной кости выжжен год «1908». Отец говорит, что это год добычи оленя. А кто его убил, неизвестно. Об этом ничего не выжжено.

Ружья не новые, видно, что из них изрядно постреляли. Оба двуствольных ружья знаменитой немецкой фирмы

«Зауэр». О большом ружье отец говорит, что оно «Три кольца» и двенадцатого калибра, а маленькое ружьё – «сепаратное» и двадцатого калибра. Стволы внутри большого ружья гладкие и сверкающие, а внутри маленького – покрыты «раковинками». Отец говорит, что стволы ест «коррозия», и что их надо чистить чаще и мазать маслом. И что бой этих ружей просто удивительный.

Ружьё из шомпола. Мечтая поскорее попасть на настоящую охоту, я без конца листаю Брэма, особенно те места, где подробно рассказывается о зверях и птицах, на которых охотится отец. Изучаю их внешний вид, повадки, следы. Расспрашиваю у отца о способах охоты на них. Вырезаю из дерева игрушечное ружьё. Рисую только охотничьих животных и собак. Часто рисую Рекса...

Английский сеттер Дрейк Игоря Филиппова на стойке по дупелю. Осень 2019 года

Наконец осенью отец впервые берёт меня на охоту. На серых куропаток! С легавой собакой Рексом! Отец рассказывает, что когда-то собаки, делая стойку перед броском на затаившихся птиц, ложились на землю, и лежали, совершенно замерев, пока не подходил охотник и не накрывал птицу и собаку громадным сачком. Потом, когда появилось ружьё, некоторые породы легавых собак от этого отвыкли, и курцхаары отвыкли. Поэтому Рекс, хотя и не ложится перед птицами, но зовется по-старому, легавой. А ещё отец рассказал,

что перед войной, когда он служил на Дальнем Востоке, ему однажды повезло поохотиться со старым охотником, у которого был опытный английский сеттер, привезённый из Ленинграда. Этот сеттер делал даже лежачую стойку. Они охотились на фазанов и всяких куликов и уток по берегам озера Ханко.

Едем на куропаток на автобусе. Отец, брат Олег, адъютант отца дядя Коля, шофёр дядя Миша, я и Рекс. Рекс, чувствуя, что приближается его любимое занятие, становится совершенно другим «человеком». Как щенок не прыгает, не гавкает, не гоняет кошек. Он молчалив и сосредоточен. Отец говорит, что Рекс уже весь там, среди полей и куропаток.

Все охотники с ружьями, даже дяде Мише нашлось ружьё. А я ещё мал, поэтому мне свинчивают металлический трёхколенный шомпол, из которого и предлагают «стрелять». И смеются. Но я не обижаюсь, а очень рад, что меня вообще взяли. Беру шомпол и иду вместе со всеми в луга.

На шомпольной охоте по серым куропаткам. Осень 1952 года.

Отец, я, брат Олег (он поменял шинель на бушлат дяди Миши – шофёра)

Серебряные птицы. Луга такие большие, что не видно краёв. Все они заросли травой и мелким кустарником. Кое-где виднеются распаханые участки. Охотники рассыпаются цепью и потихоньку идут против ветра. Я иду чуть сзади отца, чтобы не попасть под выстрел. Рекс бежит впереди, то влево, то вправо, иногда удаляясь довольно далеко. И часто на отца оглядывается, как будто спрашивает, всё ли правильно делает. Тогда отец движением руки посылает его в нуж-

ную сторону, и Рекс снова бежит и ищет.

Но вот кобель приостанавливается, принохливается, а потом быстро тянет в сторону, к кустам на краю пашни. Охотники идут за ним, стараясь не отставать. Подойдя к кустам, Рекс замирает. Раньше я видел стойку Рекса на домашних голубей, но тогда было понятно, что он играет с ними, и стойка не серьёзная. А сейчас он как будто превращается в памятник. Только длинный розовый язык, свисая из открытой пасти, чуть колеблется от дыхания собаки.

Все охотники окружают кусты и ждут команды отца. И готовят ружья к стрельбе. Дется птицам некуда, потому что за кустами совершенно открытое распаханное пространство. Я тоже готовлюсь к стрельбе и прикладываю к плечу свой шомпол. Олег смеётся и тычет в меня пальцем, а отец снова показывает ему кулак. Немного постояв, отец командует Рексу: «*Вперёд!*». Кобель прыгает в куст, из которого плотной стайкой вырывается большой выводок куропаток. Наверное, штук двадцать. Освещённые солнцем, мне они кажутся серебряными. Гремят выстрелы. Падает несколько птиц. Остальные разлетаются кто куда. Больше всего птиц летит через пашню и садится в кусты. Рекс моментально приносит всех битых птиц. Даже подранков быстро догоняет и приносит. И все охотники, очень довольные своей меткой стрельбой, смеются, потому что всю добычу Рекс несёт только одному человеку, отцу.

Когда птицы взлетают, я тоже стреляю по стайке из своего

«ружья», крикнув: «*Бах!*». Кричу только один раз, потому что у меня же одностволка. И думаю, что я бы наверняка сбил куропатку, если бы стрелял из настоящего ружья.

Разобрав куропаток и подвесив их в специальные кожаные петельки с латунным колечком, охотники перекуривают и решают, куда пойти дальше. Отец предлагает поискать разлетевшихся одиночек, а Олег и дядя Коля – пойти за большой стайкой, севшей в кусты за пашней. Отец говорит: «*Как хотите!*», и мы с ним и Рексом неспешно продвигаемся краем пашни. Остальная троица охотников идёт через распаханное поле. Мы с отцом видим, как их ноги вязнут в мягкой и мокрой глинистой земле. На сапоги налипают такие здоровенные куски, что идти им очень тяжело. Но они упорно идут и в конце концов переходят пахоту.

Скоро Рекс снова замирает на стойке, рядом с большой травяной кочкой. И отец опять берёт из-под него куропатку. Показывая мне битую птицу, подробно объясняет, что куропатка молодая, этого года. И показывает на её перьях, почему он так думает.

Потом Рекс долго идет вдоль канавки, временами чуть приостанавливаясь. Отец объясняет мне шёпотом, что кобель работает по старой, опытной куропатке, которая боится взлетать под выстрел и хочет убежать. В конце концов Рекс резким броском поднимает куропатку на крыло. Птица летит низко над землёй. После выстрела она серым комочком валится в траву. Рекс быстро находит её и, осторожно взяв

в зубы, несёт отцу. В большой пасти Рекса куропатки почти не видно. Только торчит хвостик. Отец расправляет её крылышки и показывает мне, что эта куропатка – старая, в полном пере и очень красивая. И что Рекс нисколько не помял её.

Отец после удачной охоты на серых куропаток. Осень 1952 года

Доходим до края поля и встречаемся с ушедшей от нас компанией. Брат уныло сообщает, что птицы даже не поднялись на крыло. Отец улыбается и объясняет, что куропатки давно убежали от места посадки, а охотясь с легавой собакой, нужно всегда стараться вначале разбить выводок, а потом отыскивать затаившихся одиночек.

Потом мы, уже все вместе, находим ещё пару выводков-стаек, и все оказываются с добычей. Больше всех куропаток подвешено у отца.

Утки. На охоте по куропаткам я вел себя хорошо, поэтому в следующий раз отец берёт меня на уток. И Сашку дядя Петя берёт. В автобусе нет ни одного свободного места, потому что едут ещё и наши мамы, и Олег, и Сашкины сестры. И еще две семьи офицеров с детьми. Но там мальчишек нет, а с девчонками дружить нам не интересно. Отец называет такой выезд «семейной вылазкой». И говорит, что они не только займутся охотой на уток, но и будут ловить бреднем.

Мы снова едем на Куршский залив, где среди камышей в эту осень полно уток. Когда мы приезжаем и разгружаемся, мужчины одевают резиновые костюмы, берут ружья и ушлёпывают в камыши до вечера. Там они спрячутся, и будут стрелять пролетающих уток. Нам с Сашкой тоже хочется пойти с ними, но не в чем. Таких маленьких резиновых костюмов вообще не делают, да и, по словам отца, можно попасть в подводную яму. К тому же иногда охотникам прихо-

дится стоять в камышах по пояс в воде, и переходить с места на место даже по грудь. Нас с Сашкой там бы вообще скрыло с головкой. Рекса тоже не берут, и мы идем на старый причал ловить донками. Выползки у нас с собой привезены.

Женщины наводят в лагере красоту и готовят ужин. И всякие, взятые с ними дочки, участвуют. Тренируются. Когда девчонки вырастут, они тоже будут наводить красоту, даже в тех местах, где её наводить вообще не надо.

Мы сидим с Сашкой и Рексом на причале и ловим донками. С причала донки очень удобно закидывать, потому что нет высокой травы и кустов, а вот втыкать удилище не просто – везде бетон. И мы приспособливаем камни, сволакивая их вместе и вставляя удилище между ними. Хорошо ловятся небольшие подлещики, густера и плотва. Иногда берут окуни. К вечеру у нас уже прилично поймано.

Над нами всё время пролетают утки. Разных пород, и нам с Сашкой очень интересно определять эти породы, а ещё спорить, попадём мы в них из ружья, или нет. Породу старых уток легко узнать, а вот молодых непросто, потому что их оперение незаметное, серовато-буроватое. Больше всего пролетает крякв и чирков. Ещё мы отмечаем шилохвостей, широконосок, небольших связей, серых уток и всяких нырков. Чёрные лысухи с белым костяным лобиком плавают рядом с нами и даже не поднимаются на крыло, а когда улётывают от Рекса, то смешно шлёпают по воде крыльями. Рекс, гоняясь за ними по причалу, просто играет, и вовсе не

собирается лезть за ними в воду.

А ещё пролетают всякие кулики, и их нам определить трудно. Совершенно точно узнаём в полете только огромных кроншнепов с изогнутыми клювами, маленьких быстрых бекасов и всегда пищащих на взлёте и посадке перевозчиков. Сидящих на земле куликов определить намного легче.

Вдалеке, за камышами, на просторе залива белыми точками виднеются лебеди. Перед зимой они накапливают силы, чтобы улететь, но, если зима не морозная и залив не замерзает, то остаются. И дальше лебедей, и ближе к берегу, тёмными пятнами сидят стаи уток. Это морские утки, они потихоньку перелетают с севера на юг, а в Куршском заливе отдыхают и кормятся. Больше всего чернетей: морских и хохлатых. Иногда на их стаи пытаются напасть огромные белохвостые орланы. Тогда все утки поднимаются и начинают метаться по заливу туда-сюда. Орланы не могут догнать уток и улетают ни с чем.

С той стороны камышей, куда ушли наши охотники, гремят частые выстрелы. Нам с Сашкой не видно, как утки шлёпаются после меткой стрельбы, и мы немного завидуем. Но мы понимаем, что скоро вырастем, и будем тоже ходить на охоту по уткам в резиновых костюмах.

Вечером охотники подходят к лагерю увешанные утками. Все они очень довольны и говорят, что такое обилие уток наблюдают впервые. Дядя Петя ухитрился сбить большого гуся гуменника, неожиданно налетевшего на него. Он доволен и

говорит, что этот гусь – отбившаяся от стаи одиночка, и что ему – дяде Пете – повезло. Отец сообщает, что несколько утиных подранков уплыли, и что он рано утром, до рыбалки с бреднем, пройдет с Рексом вдоль камышей и доберет их. А еще поохотится на бекасов. И может нас с Сашкой взять с собой, если мы проснемся и захотим. А кто не захочет?!

Бекасы. Ночуем мы с мамами и всякими девчонками в автобусе, а мужчины и Рекс – у костра. Мы устали, спим крепко, и почти проспали, если бы не отец. Он нас расталкивает и велит тихо и быстро одеваться. Мы стараемся, но тихо и одновременно быстро у нас не получается, и мы будим пол-автобуса.

Ещё совсем темно, только чуть-чуть светлеет восток. Сет мелкий осенний дождичек, слабый ветерок чуть шевелит верхушки камышей. Отец говорит, что дождь скоро кончится, и что погода самая легашачья.

Пока мы идём к месту охоты, дождь и вправду прекращается. Лёгкий ветерок продолжает дуть вдоль камышей. Рекс снуёт то влево, то вправо. Он уже начал работать. Отец объясняет, что подраненные утки почти всегда выбираются на берег, и тогда с умной собакой их легко отыскать. А оставлять подранков после охоты некрасиво, не по-охотничьи, и нам с Сашкой надо это запомнить. И мы запоминаем. Ещё отец говорит, что добирая подранков вдоль камышей, можно встретить и совершенно здоровых уток, а также бекасов и всяких других куликов. И стрелять их из-под стойки кур-

цхаара Рекса.

Вот Рекс тянет к камышам и стаёт, приподняв заднюю ногу. Мы с Сашкой давно знаем, что стойки у Рекса не всегда картинно правильные. На стойке он может поднять или переднюю, или заднюю ногу, а может вообще никаких ног не поднимать, а стать так просто, как шёл. Рекс немного стоит, а потом суётся в камыш и выносит оттуда мёртвую крякву. Принимая от кобеля утку, отец поясняет, что подранок вчера вечером вылез на берег, а к утру сдох, и если бы не Рекс, то так бы и запропал совсем.

Следующая утка оказалась лёгким подранком. Удирая от Рекса, широконоска ухитряется добраться до глубокой лужи, где пытается нырять. Рекс мастерски добирает её, то ожидая на берегу, то бросаясь в воду и поднимая фонтаны брызг.

Чуть позже кобель стаёт в кустах перед небольшим зеркальцем воды. Почти сразу с лужи снимаются два чирка и, набирая высоту и скорость, поворачивают в сторону залива и камышей. Отец стреляет дуплетом настолько быстро, что выстрелы как будто сливаются в один звук. Оба чирка валятся в траву, и Рекс по очереди выносит их отцу. Вот это меткость! Мы с Сашкой восхищены умением отца стрелять, и работой собаки тоже.

Чтобы ничего не мешало ему прицеливаться, отец даёт нам нести уток. Эти утки пахнут как-то по-особому приятно, пером, камышом и волей. Они мешают нам идти, но это тоже приятно. Мы чувствуем, что становимся настоящими

охотниками!

Так мы идём, изредка постреливая, примерно час. Рекс то выносит вчерашних уток из камыша, то стаёт на стойки и ждёт выстрелов отца. У нас с Сашкой уже по шесть уток, и нам очень тяжело идти, почти невозможно. Мы далеко отстаём от отца. А неугомонный Рекс всё работает! Наконец увлекшийся отец замечает наши трудности и возвращается. Отбирает у нас восемь самых тяжёлых уток, оставляя нам по два лёгких чирка. И мы поворачиваем назад, в лагерь.

Но ещё рано, поэтому отец уводит нас в мокрую луговину с отросшей после летних покосов травой. Трава пожелтела и уже почти вся полегла. Среди травы виднеются высокие кочки, а также глубокие следы коров, в которых блестит вода. Отец говорит, что здесь прячутся бекасы. И правда, вскоре Рекс красиво стаёт между кочек. Его голова низко наклонена над землёй и повернута в сторону, откуда пришёл к нему запах. Кобель нервно дышит, и мы видим, с каким трудом он сдерживает дыхание, чтобы не спугнуть птицу. Отец говорит шёпотом, что бекас сидит совсем рядом. Приложив руку к плечу, отец командует Рексу: «*Вперёд!*». Кобель делает шаг, и в нескольких метрах от него из-под кочки вырывается пёстрая длинноклювая птичка, тут же обделывается и с криком улепётывает. Летит она сразу как-то очень быстро, низко над землёй, делая резкие повороты и сливаясь с пожухлой травой. Мы успеваем подумать, что попасть в неё совершенно невозможно. Однако отец, чуть поведя стволами,

ухитрятся сбить и этого малыша! Рекс по команде сходит со стойки и быстро отыскивает в траве добычу. Мы с Сашкой внимательно рассматриваем оперение, слегка обслюнявленное Рексом. Сразу бросаются в глаза длиннющий клюв и голенастые ноги. На пёстрой спинке замысловатый узор из коротких перьев, которые ближе к хвосту превращаются в две длинные косички. Хвостик оторочен по кругу серебристыми и рыжеватыми пёрышками. Живот светлый, почти белый. Там, где попали дробинки, перья выбиты и под кожей виден толстенький слой жира. Отец говорит, что осенний бекас нагулял жирок, и что он очень вкусен, если его правильно приготовить.

Следующего бекаса Рекс срабатывает по-другому. Он прихватывает птицу очень далеко, работая верхом, то есть верхним чутьём, не копаясь в следах-набродах. Всё это нам поясняет отец после того, как сбивает и второго бекаса. А вылетает бекас очень далеко, и от собаки, и от отца. «Хлопнув» птицу таким дальним выстрелом, отец становится чрезвычайно довольным. Он выбирает кочку посуше, садится и неспешно закуривает. Мы стоим рядом, держим уток и бекасов, и тоже совершенно довольны. Рекс ложится подле отца и мгновенно засыпает. Он устал. Отец говорит, что больше охотиться не будем, потому что надо побережь собаку; Рексу скоро девять лет. Немного передохнув, мы весело идём в лагерь, который начал потихоньку пробуждаться. Слышим голоса и звон посуды. Женщины готовят завтрак.

Над луговиной летают ласточки. У них длинные раздвоенные хвостики, и мы знаем из Брэма, что это – деревенские ласточки. Отец вдруг останавливается, снимает с плеча ружьё и даёт его мне: *«Ну-ка, попади в ласточку!»*. Но ни я, ни Сашка не отваживаемся выстрелить не то, что в ласточку, а просто в белый свет, потому что знаем, как может ударить в плечо отдача у большого ружья двенадцатого калибра. Да и шутит отец, конечно, потому что очень любит всех птиц, а ласточек в особенности. Так и оказывается. Отец нас испытывает, что у нас перетянет: тяга к выстрелу, или любовь к ласточкам. И кажется ему, что всё хорошо, и что мы уже правильные охотники, и никогда не будем стрелять ласточек и певчих птиц. Это так кажется ему, а вот мы с Сашкой думаем, что если бы ружьё было поменьше, ну, как та отцовская трофейная двадцаточка, то очень может быть, что и выстрелили бы, даже по ласточкам...

Отец перед рыбалкой бреднем на Куршском заливе. 1950-е годы

Бредень. После вкусного завтрака, приготовленного женщинами, мужчины разворачивают длиннущую сеть с поплавками и грузами. Она называется бредень. Мы с Сашкой видим его впервые. В середине бредня длинная «мотня». Отец объясняет, что это особый кусок бредня, вроде капюшона из сетки, специально устроенный так, чтобы в нём собиралась вся попавшаяся рыба. А название «бредень» происходит от того, что рыбаки, когда ловят, то «забредают» в воду подальше и поглубже.

Бредень переносят к берегу, в том месте, где почти нет камышей. Рыбаки в резиновых костюмах, взяв один конец бредня, потихоньку заходят в воду. И отец идёт вместе со всеми. На берегу остаётся дядя Петя, женщины и мы с девочками. Сначала мы должны постепенно отпускать оставшийся на берегу конец бредня, и следить, чтобы он не запутался, а потом – помогать вытягивать сеть на берег. Нашими действиями руководит дядя Петя.

Рыбаки утягивают бредень далеко в залив, а потом поворачивают и потихоньку «бредут» вдоль берега. В месте поворота остаётся человек, который, перебирая сеть, не даёт ей приблизиться к берегу. Пройдя вдоль берега, рыбаки опять поворачивают, снова оставляя одного человека. И тянут ко-

нец бредня к нам. Вот бредень своим концом вылезает на берег. Его тут же стараются соединить с остававшимся на берегу концом. И, по команде дяди Пети, мы все – рыбаки, женщины и дети – начинаем дружно и как можно быстрее тянуть оба соединённых конца бредня. Дядя Петя весело покрикивает, мы смеёмся, потому что некоторые женщины и девчонки, запнувшись, валятся на землю, тут же вскакивают и тянут снова.

Появляется мотня. В воде её сопровождают те двое рыбаков, которые раньше оставались в заливе. В мотне полно травы. Всяких водорослей. Даже целые кочки, оторванные от дна. В траве шевелятся большие рыбы. Их так много, что бредень полностью на берег не вытянуть. Поэтому часть рыб вылавливают большим сачком.

В бредень поймались золотистые лещи, пятнистые щуки, серебристые судаки, полосатые окуни и много всякой мелочи: густеры и плотвы. А ещё попался огромный жерех. Он весил около шести килограммов. Всю пойманную большую рыбу, чтобы не испортилась, кладут в траву, в кусты, а мелкую тут же выпускают обратно в воду.

Итоги рыбалки на Куршском заливе в 1950-е годы. Справа — я с жерехом

Справедливый обман. Рыбаки делают ещё два захода и прекращают ловлю. Чистят бредень и складывают его до следующего раза. Потом делят рыбу. Сначала вся рыба, спрятанная в кустах, раскладывается на полянке по породам, то есть лещи к лещам, щуки к щукам. А потом делается столько куч, сколько приехало на рыбалку семей. Рыбаки, которые раскладывают рыбу, стараются класть одинаково для всех.

Всё получается хорошо, пока они не берутся за жереха. Он же один, и мы с Сашкой внимательно следим, как тут всё будет. И все люди, столпившиеся вокруг, тоже следят. Жереха кладут на одну из куч, а из этой кучи забирают несколько лещей и щук, перекладывая в другие кучи.

После раскладки рыбы бросается жребий. Отец встаёт спиной к кучам, а дядя Петя у него спрашивает: «*Кому?*». Отец громко отвечает, например: «*Петровым!*». Семья Петровых подходит и забирает свою кучу рыбы. И всё получается правильно и справедливо. Конечно, каждый хочет получить кучу с жерехом, но она всего одна, и достаётся семье, где аж три маленьких девчонки. И ещё у них дома остался совсем маленький братик. Девчонки начинают прыгать и бегать от радости, и хватать жереха, а мы с Сашкой отворачиваемся и смотрим дальше. Потому, что жереха хотелось получить нам.

Наконец вся рыба поделена и рассована по рюкзакам и мешкам. Вещи собраны, и мы трогаемся в обратный путь. В автобусе мы с Сашкой сидим за нашими отцами и слышим все их негромкие разговоры. Они очень довольны и охотой, и рыбалкой, и говорят, что теперь люди надолго обеспечены вкусной едой, и женщинам не надо будет думать, чем кормить семью. А ещё тихо смеются, как они удачно всех провели, разыгрывая кучу с жерехом. Оказывается, наши отцы заранее условились, что жерех достанется многодетной семье. И дядя Петя, говоря отцу «*Кому?*», немного покашлял,

и отец понял, и сказал правильно. Мы с Сашкой сначала становимся очень недовольными, что жереха разыграли нечестно, но потом до нас потихоньку доходит, что отцы обманули всех совершенно справедливо. И пусть девчонки дома едят жареного жереха и радостно вспоминают нашу рыбалку.

Глава третья. Зимние забавы

Первый снег. Так проходит осень. Рыбалка, охота, ночёвки у костра, чистый воздух, плавание, непрерывная беготня, простая здоровая еда без излишеств незаметно делают своё дело. Мы с Сашкой взрослеем. Зимой, перед Новым годом, мне исполнится уже шесть, и Сашке исполнится шесть, только после Нового года. Разница у нас всего в месяц, а в документах – в целый год. И это нам странно.

Но пока нам ещё по пять, и идёт снег. Первый снег в этом году. Вначале медленными, красиво вырезанными снежинками, которые очень весело ловить раскрытыми ртами, а ещё рассматривать и срисовывать с них узоры. Потом снежинки густеют, сбиваются в хлопья, которые быстро заваливают мёрзлую землю толстым слоем. Рекс тоже радуется первому снегу, весело носится, хватая пастью хлопья, и с удовольствием валяется в снегу.

Мы давно ждём этого первого снега. Уже несколько дней. А до него мы катаемся с разбегу по замёрзшим лужам. И Рекс пытается прокатиться, но совершенно не понимает, как это сделать. В некоторых лужах мороз так высушивает воду, что остаются воздушные полости, и лёд над ними под нашими ногами ломается с треском. Если такие выломанные кусочки льда перевернуть, то иногда можно увидеть ледяные фигуры. Они выросли в полостях на обратной поверхности

льда из инея, и похожи на волшебные замки, или на заснеженные деревья, или ещё на что-нибудь. И можно фантазировать и придумывать про них сказочные истории ...

Мы уже одеты по-зимнему. В шубейки и военно-морские чёрные офицерские шапки. На шапках у нас красные эмалевые звёздочки. Мы их никогда не снимаем. На ногах – валенки с галошами, чтобы не промочить. Но мы их всё равно промачиваем, потому что лужи бывают глубокими, а родители этого не понимают. Вечером наши мокрые валенки, послушав ворчание бабуль, сушатся на батарее, и утром они снова сухие, и ждут нас.

Покатался... А снег мы ждём, чтобы кататься на санках. У Сашки есть санки, но они дома. В саду у Сашки не покатаешься, негде, поэтому мы катаемся в училище, на моих санках. По очереди. Санки большие, и можно было бы кататься вдвоём, но мы любим по очереди, измеряя потом, кто дальше проедет. Мои санки со спинкой, сделанной из крепких изогнутых железок. На эту спинку мы ложимся животом после разгона. И так, удерживаясь на спинке, съезжаем. Если сильно разогнаться, то можно проехать очень далеко. Потому что горка высокая и длинная. Эта горка расположена под большим каштаном, из веток которого мы пытались летом вырезать удилища для спиннингов. Полозья санок сделаны из металлических уголков. Впереди полозья загнуты вверх, но защитной полосы-перемычки между ними нет; она когда-то была выломана. И полозья торчат вверх

опасными остриями. Отец всё собирается приделать перемычку, но ему постоянно некогда, а в воскресенье – рыбалка или охота. Кататься на спинке опасно, и родители нам об этом каждый раз напоминают. Но мы все равно катаемся, а родителям врем.

Когда выпадает первый снег, мы сразу же хватаем санки и бежим на горку. Горка ещё не очень засыпана снегом, да и снег пока рыхлый, но мы очень хотим кататься. Первым катится Сашка. Он весело пролетает мимо меня и Рекса, молодецки махая одной рукой в воздухе. Как это он ухитрился сохранить равновесие, держась только одной рукой за спинку? Хорошо же, Сашка! Посмотришь, как я прокачусь!

Отметив на снегу место остановки Сашки длинной чертой с буквой «С», я беру санки и взбираюсь на горку. Там лихо разбегаюсь и лечу мимо Сашки, сняв обе руки со спинки. Это получается у меня с трудом, и я незаметно помогаю себе грудью. Я пролетаю дальше черты Сашки и радуюсь победе. И Рекс мчится рядом, весело повизгивая...

Чуть прикрытый снегом, примерзший к земле кирпич, совершенно внезапно возникает перед моими санками непреодолимым препятствием. Санки ударяются о него и мгновенно останавливаются. Я слетаю со спинки, пролетаю над сиденьем и... нанизываюсь подбородком и нижней губой на острие левого полоза. И теряю сознание...

Очнувшись, ощущаю себя сидящим на снегу рядом с санками. Я зажимаю ладонью рану, пытаюсь унять кровь, хлещу-

щую ручьём. Снег вокруг меня залит кровью. Сильной боли нет. В голове медленно, как из темноты, всплывают обрывки мыслей, потихоньку сливаясь в одну мысль, главную: *«... нарушил отцовский запрет... теперь меня надолго не пустят гулять... а ведь зима только началась...»*.

Сашка и Рекс с воплями и лаем бегают вокруг; они топтали уже приличную тропинку. Наконец, кем-то оповещённые, прибегают отец и мать. Отец хватается меня на руки и быстро несёт домой. Мать бежит рядом, носовым платком в дрожащей руке пытаюсь остановить кровь, но у неё это плохо получается. Отец что-то на ходу кричит появившемуся рядом человеку, и тот быстро убегает. Сашка исчезает в неизвестном направлении. Дома у распахнутой двери стоит расстроенная бабуля и непрерывно ахает.

Меня укладывают на кровать и раздевают. А я всё время хочу вырваться из их рук и куда-то бежать. Когда мама подробно рассматривает мою рану, то плачет. И бабушка тоже. Они видят страшно развороченную, с рваными ошмётками кровавую рану, в глубине которой торчат осколки разбитых зубов. Тогда я начинаю думать, что сейчас совсем умру. Потому, что вытечет вся кровь. Отец отрывисто ругает женщин «предпоследними» словами, и я немного успокаиваюсь. Мы с Сашкой уже знаем несколько совсем «последних» слов, и знаем, что их нельзя говорить знакомым и родственникам. И нельзя, чтобы наши знакомые и родственники даже догадывались о том, что мы знаем эти самые «последние» слова.

Остальные ругательные слова мы определяем как «предпоследние» и иногда вворачиваем их в разговоры. К месту и не совсем, за что опять получаем выговор от взрослых.

Когда я был совсем маленьким, я уже умирал один раз. Тогда к нам в гости пришёл дядя Саша Ачкасов. Он очень любил подкидывать меня к потолку. А ещё заставлял просовывать руки между ног. И тогда он, взявшись за мои руки со стороны спины, резким рывком кувыркал меня в воздухе, а потом снова подкидывал и ловил. Но в тот раз, когда он стал радостно со мной это проделывать, я выскользнул из его рук и ударился головой сначала о дверной косяк, а потом и об пол. И потерял сознание. Отец сильно отругал дядю Сашу и сказал, что у меня было лёгкое сотрясение мозга. Потому что, когда я очнулся, то всё кружилось...

Госпиталь. В прихожей дребезжит звонок: это подъехала машина, чтобы вести меня в госпиталь. Мы долго едем по вечернему городу. Потом отец несёт меня по каким-то полутёмным длинным коридорам и, наконец, вносит в очень светлую комнату, всю заставленную непонятными сверкающими предметами. На потолке висит громадная люстра, которую тут же включают. Свет в комнате становится ещё ярче. Меня раздевают, почти совсем, и укладывают на стол под эту яркую люстру. Свет сильно слепит глаза, я начинаю бояться и тихо прошу отца уехать домой, где остались Рекс, мама и бабуля. Но отец показывает мне кулак и молча заставляет лежать молча.

Женщина в белом халате быстро делает мне укол в попу, а потом подходит врач. Отец тихо объясняет мне, что это хирург. Я впервые слышу это слово, поэтому не знаю, что будет дальше. Хирург тоже в белом халате, в очках и с маленькой смешной бородкой. Он осматривает моё лицо, осторожно шупая твёрдыми пальцами, и смеётся:

— *Ну что, герой, хорошо покатался?* - . А потом добавляет:

— *Ничего, сейчас мы тебя заштопаем, и будешь совсем как новый.*

Потом велит женщине в белом промыть мою рану и обколоть её уколами. И мне это совсем не нравится. Но меня никто не спрашивает, и белая женщина вонзает шприц несколько раз. Вокруг раны. И я вдруг перестаю ощущать свой подбородок и губы. Как всё равно их нет. И пугаюсь, что мне их уже отрезали. Но рядом стоит отец и держит мою руку, и поэтому мне не очень страшно. Я знаю, что отец меня обязательно спасёт от белой женщины и бородатого, который оказался её родным братом, потому что назвал её сестрой.

Хирург сначала берёт острый узкий ножичек и тонкие кривые щипчики, и, копаясь в моей ране, что-то там отрезает и кидает в железную банку. Потом промывает желтой водой и берет кривую иглу с длинной тонкой ниткой. Я закрываю глаза, чтобы не видеть. Но всё равно ощущаю, как бородатый сшивает края раны, протыкая их насквозь. И мне кажется,

что он сошьёт мои губы на совсем, и я не смогу говорить. А как же мы будем спорить и ругаться с Сашкой? И школа, в которую я мечтаю пойти?

Когда меня мама брала с собой на городской рынок, я видел немых людей, которые объяснялись знаками, так быстро показывая друг другу фигуры из пальцев, что ничего не было понятно. А ещё видел одноногих и одноруких инвалидов войны. И совсем без ног, которые всё-таки ездили на таких маленьких мосточках с колёсиками-подшипниками, отталкиваясь от земли не руками, а специальными деревянными штуками. И я, лежа под иглой бородатого, вдруг так ясно представляю себя с зашитым ртом и почему-то без ног на подшипниках, что слёзы льются сами собой.

Бородатый продолжает зашивать, обзывая меня всякими ласковыми словами. Это он меня утешает. И я потихоньку привыкаю и успокаиваюсь. Хирург штопает меня долго. Он накладывает на мою губу и подбородок много швов. И говорит, что задета кость в подбородке, и что он мне её почистил. Через несколько дней меня надо снова к нему на осмотр, а потом уже не надо, потому что к нам домой придет та самая женщина в белом, которая оказалась его сестрой – надо же! – и вытащит у меня швы прямо дома. Зубному врачу показывать меня не обязательно, потому что два поломанных зуба – молочные, и скоро сами вылетят. Их вытолкнут новые зубы. А ещё бородатый говорит отцу, что я держался как герой, потому что не орал, и что шрамы украшают настоящего

мужчину.

Всю мою голову забинтовывают, и я становлюсь как всамделишный раненый герой войны. Меня везут домой, где с нетерпением ожидают мама, бабушка и Рекс. Рекс сначала пугается моей забинтованной головы и удирает, да и пахнет от меня неприятно госпиталем и лекарствами, но потом узнаёт и долго облизывает, норовя лизнуть под бинтами. И его прогоняют от меня подальше. Рекс ложится в уголке и преданно смотрит на меня, отчаянно вертя обрубок хвоста, часто дыша и улыбаясь. Отец рассказывает, как меня штопали, и что надо со мной делать потом. Наконец все родные успокаиваются, и я засыпаю в своей кровати под их тихий разговор... Вся нижняя часть лица потихоньку оттаивает и начинает болеть...

Снегурочки. Раны мои заживают, «как на собаке». Так все говорят друг другу, когда обсуждают моё приключение. Потому, что быстро. Через три дня я совсем перестаю ощущать боль, с меня снимают повязку, везут к хирургу, а ещё через неделю появляется его сестра – белая женщина – и вытаскивает швы. Оказывается, швы – это кусочки ниток, которыми меня штопал брат белой женщины, хирург. В местах вытащенных швов остаются маленькие дырочки, которые тоже быстро заживают. Меня часто навещает Сашка, который почему-то прячется от родителей, как будто виноват. А Рекс не отходит от меня ни на шаг.

Санки отец куда-то прячет, так, что мы с Сашкой не мо-

жем их найти. Сашка хочет притащить свои, но тут оказывается, что дядя Петя тоже их куда-то «зашхерил». Это новое для нас слово произносит Олег, теперь уже гордо носящий две «галочки» на рукаве, как курсант второго курса. «Зашхерил» – значит «спрятал». Последнее время, вернувшись с практики, Олег постоянно вворачивает в разговор услышанные на корабле военно-морские словечки. Отец его за это не ругает, только смеётся, и говорит, что это – «жаргон», на котором говорят такие вот «жоржики», как Олег. Теперь мне становится непонятно, кто ж такие эти самые «жоржики».

А вместо санок мне дарят коньки! Отец и мама специально покупают их на городском рынке. И говорят, что купили у кого-то «с рук». Я сначала вообще не понимаю, как это «с рук»? Надо же «с ног»! Кто же на руки коньки одевает? А потом соображаю, что это, может быть, те инвалиды, которые без ног. Им ведь тоже хочется кататься. Но тут отец быстро объясняет, что к чему, а ещё говорит, что так думать про инвалидов нельзя, это плохо и недостойно такого здорового человека, как я. И что инвалидам вообще надо помогать. И я понимаю, что подумал и сказал неправильно.

Коньки называются совсем по-зимнему, «снегурочками». Они немножко ржавые, с длинными загнутыми вверх носиками. А ещё у них сверху есть место, куда надо вставлять ногу. Я приношу валенок, и мне показывают, как надо вставлять и закреплять конёк. В дырки на коньке отец продевает верёвку, обвязывает мою ногу в валенке, и туго затягивает

небольшой палочкой, несколько раз крутанув её и подсунув потом под верёвку. И конёк очень хорошо удерживается на валенке, так, что я могу, прихрамывая, ходить по полу. И я всё время хожу, а все смотрят и радуются. Так я хожу по квартире целый день и в обед не снимаю, и вообще хочу лечь спать в коньке. Но потом мама замечает, что от конька на полу остаются вмятины и царапины, и с меня конёк и валенок стаскивают, и говорят, что завтра я могу вместе с коньком уматывать на улицу. Потому, что катание на одном коньке по комнатам я уже хорошо освоил.

Назавтра я прикручиваю на правую ногу конёк и, хромая, спускаюсь по лестнице во двор. И тут же падаю башкой вперёд, потому что снег у подъезда и на всех дорожках посыпан песком. Поднимаюсь и решаю ковылять на плац. Но и плац тоже посыпан песком. Тогда до меня доходит, что уж лёд в бассейне никто песком посыпать не будет. И иду туда. Дорога не близкая, когда одна нога длиннее другой, и я ещё несколько раз падаю.

Лёд в бассейне ровный и гладкий, он присыпан тонким слоем снега, который совершенно не мешает кататься. Рекс первым прыгает на лёд и, радуясь своей собачьей жизни, носится, как «угорелый». Так обычно родители говорят про нас с Сашкой, когда мы начинаем гоняться по комнатам. И нам не понятно, как может этот самый «угорелый» человек после того, как почти совсем «сгорел», ещё и метаться? На бегу Рекс проскальзывает, а на поворотах его сильно заносит. Я с

трудом спускаюсь по металлической лестнице на лёд и приступаю к учебе. И мне делается смешно оттого, что летом я здесь плавал, а зимой – вот, катаюсь на коньках. Вернее, на одном коньке. Пока на одном.

Здесь меня и находит Сашка, который тоже прибегает учиться. Мы катаемся по очереди. И к обеду уже очень хорошо стоим на коньке и даже можем проехать несколько метров. Когда едешь, и получается быстро, то очень здорово! От усилий мы становимся потными и красными, и снимаем шубы и шапки. Нам совершенно не холодно; мы очень довольны, что выучились кататься на одном коньке, и договариваемся завтра обязательно начать учиться на двух.

Через несколько дней мы уже уверенно стоим на коньках. И даже можем делать кое-какие фигуры. Нас навещают родители и дядя Петя. А потом у Сашки тоже появляются коньки, такие же «снегурки», и мы можем теперь кататься вместе. И мы катаемся целые дни, пока зима и мороз.

Полюнья. В середине декабря, за неделю до моего дня рождения – шесть лет, шутка ли! – наступает оттепель. Сильно теплеет, валит мокрый снег, иногда с дождём. Лёд в бассейне становится мягким, потом покрывается снегом, под которым образуется вода. И кататься становится нельзя. Когда оттепель заканчивается, и снова ударяет мороз, мы с Сашкой радостно бежим к бассейну. Но кататься опять нельзя, потому что мокрый лёд и напавший на него мокрый снег крепко смёрзлись, а сверху на них напал новый снег,

и наши ноги застревают во всей этой неприятности даже без коньков.

Мы решаем пойти на речку, просто посмотреть, что там новенького. И оказывается, что оттаявшая в оттепель речка теперь замёрзла почти полностью. Только в одном месте видна вода. Это небольшая полынья. А лёд совершенно гладкий и прозрачный! Мы с Сашкой радуемся и – быстрее-быстрее – накручиваем на валенки коньки.

Лёд чуть потрескивает и не проваливается. По гладкому льду можно раскатиться очень быстро и далеко. И мы катаемся вдоль речки, стараясь не докатываться до полыньи. Рекс боится выходить на лёд; он носится с лаем по берегу. Так он просит нас поскорее вылезти на берег. Но мы же только начали! И мы катаемся и катаемся, и незаметно начинаем все ближе и ближе приближаться к полынье.

Я проваливаюсь первым. Сашка пытается подать мне руку, и проваливается следом за мной. Речка мелкая, особенно зимой, и утонуть в ней невозможно. Мы, как дураки, стоим по грудь в холоднющей воде, и от этого внезапного холода у нас перехватывает дыхание. Берег рядом, но добраться до него в мокрой, сразу потяжелевшей одежде, нелегко. Да ещё коньки цепляются на дне за всякие кирпичи и банки. Нас никто не видит, поэтому надо выбираться самим. В конце концов, сильно замёрзшие, мы вылезаем и без сил валимся на снег. Когда мы откручиваем коньки, пальцы слушаются нас с трудом. С шубеек и штанов течёт, валенки полны во-

ды. Надо бы поскорее домой, но там будут сильно ругать, и мы боимся. И какое-то время не идём. Когда от холода становится совсем невмоготу, мы всё же добираемся до дома и попадаем в тепло и в руки бабули и мамы. С нас стаскивают одежду, растирают полотенцами и поят малиновым чаем. И мы потихоньку теплеем. За Сашкой приходит дядя Петя и уводит домой. Вечером градусник, который мама ставит мне под мышку, показывает нормальную температуру, и мама успокаивается.

Воспаление легких. А ночью моя температура подскакивает до сорока градусов, и я начинаю сильно кашлять и бредить. Мне кажется, что я с Сашкой опять на рыбалке и ловлю очень много рыбы. Я всё время вытаскиваю и опускаю рыбу в садок. В большой садок, такой, как был у дяди Толи на Люблинском озере. А когда опускаю в садок, то чувствую, что вода очень горячая, прямо как кипятки. Обжигаюсь, сильно ору, и просыпаюсь весь в поту.

Около кровати сидят перепуганные мама, бабуля, и какой-то мужчина в белом халате, похожий на того хирурга, который оказался братом своей сестре, но без бороды, а с длинными усами. Усатый что-то озабоченно пишет на маленьких бумажках. Мама держит в руке градусник и всё время смотрит на него. Усатый мужчина строго говорит:

– Двустороннее воспаление лёгких... больше сорока градусов... надо срочно колоть пенициллин... и теплѐе питьѐ... к вам будет ходить сестра...

Я догадываюсь, что и у этого доктора есть сестра в белом халате, которая будет делать мне уколы пенициллина и тёплого питья. И удивляюсь, что у всех докторов есть родные сёстры, которые только и умеют в жизни, что делать уколы... А потом опять отключаюсь...

Болею я очень долго. Так долго, что начинаю уже привыкать. К уколам, укусным полотенцам на лбу, грелкам, таблеткам и порошкам. В свой День рождения я ещё маленько больной, но родители всё равно справляют такой важный для меня праздник, и даже приходят друзья праздновать. А вот к Новому году настолько поправляюсь, что даже сижу у ёлки почти всю ночь. Как взрослый.

«Больной» День рождения 24 декабря 1951 года. 6 лет!
Слева – друг Сашка

Усатый доктор приходит несколько раз, слушает меня трубочкой и просто своим волосатым ухом, залезает металлической линейкой в рот, стучает пальцами по разным местам... И однажды говорит, что всё очень хорошо, но в правом лёгком ещё есть небольшой «очаг», который должен скоро «зарубцеваться». Что такое очаг, я уже давно знаю, из книжки про деревянного Буратино. Там очаг был нарисован на старом холсте. Поэтому мне не понятно, какой такой очаг нарисован в моих лёгких, и кто его там нарисовал. А если

он всамделишный и горит? Тогда как же? И строгий доктор вдруг начинает улыбаться и терпеливо мне всё объясняет. Оказывается, «очаг» — это не до конца заживший кусочек лёгкого, в котором ещё идет воспаление, а с помощью всяких лекарств этот «очаг» должен «зарубцеваться», то есть зажить окончательно. Мне становится всё понятно, и теперь уже мы все вместе смеёмся. Мама, бабуля, усатый, его сестра, Рекс и я.

Через неделю после докторского осмотра я совсем поправляюсь. И очагов больше нет. Зарубцевались!

Пока я три недели лежу больной, я очень много читаю. Я проглатываю «Робинзона Крузо», «Тимура» с его командой, «Последнего из могижан» и ещё много всяких других. На стуле рядом с моей кроватью постоянно лежат тома любимого Брэма. Мама говорит, что я читаю «запоем». И пытается книги отбирать. Но отец разрешает читать, «сколько влезет», и в меня влезает очень много.

Друг Сашка ко мне не приходит, потому что сам в это время лежит дома больной. Только у него не воспаление лёгких, а болезнь со смешным названием «свинка». И я фантазирую, что когда Сашка выздоровеет и зарубцуется окончательно, его нос превратится в свинячий пяточок, а разговаривать он будет хрюканьем. Но потом, когда я додумываюсь, как Сашку перепутают и будут делать из него колбасу, то сам пугаюсь, и заставляю себя думать про Сашку только хорошее. И однажды Сашка навещает меня совершенно здоровый. Он

полностью зарубцевался, и улыбается. И нос у него старый, без пяточка. И не хрюкает, а весело сообщает мне, как он болел, как к нему приходил тот же самый усатый доктор, и какую ёлку поставили в его доме. И нам опять хорошо вместе. Потому что болезни наши зарубцевались, и скоро опять можно будет кататься на «снегурках».

Что такое мотыль? Ближе к февралю, когда мы окончательно оправились от болезней, наши отцы решают устроить нам праздник. Они берут нас на зимнюю рыбалку, на Куршский залив! Мы с Сашкой ещё ни разу не были на зимней рыбалке, и очень хотим увидеть, как это всё происходит. Наши матери и бабули сопротивляются, говорят, что мы ещё не до конца выздоровели, что лёд на заливе уже подтаял, и вдруг мы все провалимся... Но мы с Сашкой совершенно спокойны, потому что знаем наших отцов. Если они что решили, то никакие женские уговоры заставить их передумать не могут. Они же настоящие мужчины, моряки, офицеры, охотники и рыбаки! И мы, когда подрастём, обязательно будем такими. И тоже не будем слушать своих жён и бабуль.

За день перед отъездом мы с дядей Петей идём на пруд, который находится прямо за забором училища. В его льду пробито много больших окон. Дядя Петя объясняет, что здесь городские рыбаки «моют мотыля». И что в городе много таких прудов, но этот самый близкий к нам. Лезет в кусты и вытаскивает длинную жердь с проволочным сачком на конце. И суёт этот сачок в пруд. Водит им в глубине из сто-

роны в сторону, а потом с усилием вытаскивает. Сачок полон ила и грязи. И в грязи шевелятся маленькие красные червячки. Червячков очень много, прямо сотни! Они такие тонкие, что их можно легко порвать. Дядя Петя говорит, что это и есть «мотыль». И что на него клюет зимой всякая рыба. Мы начинаем набирать их в тряпку с илом, и в банки, а Рекс носится и всем мешает.

Дядя Петя зачерпывает сачком ещё несколько раз, а потом сообщает, что хватит. Прячет сачок снова в кусты, и мы, довольные, топаем домой готовить одежду и снасти. Наживка у нас уже есть!

Зимние удочки. Для зимней рыбалки нужны особые удочки, очень короткие. Это потому, что ловить приходится сквозь пробитые во льду отверстия – лунки. Пробиваются они пешнёй, – тяжёлой и острой металлической трубой, насаженной на деревянную ручку. На ручке есть кожаная петля, которую надевают на руку. Чтобы, когда лунку пробьёшь насквозь, не упустить пешню под лёд.

На коротких удилищах тоже есть мотовильца для лесок. И маленькие пробковые поплавки, и грузики, и крючки. Крючки совсем крошечные и тонкие, чтобы накалывать мотыля. А ещё вместо крючков можно подвесить «мормышки». Они сделаны из свинца, иногда с блестящими боками. Серебряные или золотые бока сильно «надраены», то есть натёрты до блеска. В мормышки вделаны тонкие крючочки, на которые тоже насаживают мотылей, или червяков, или опары-

шей. Что у кого припасено. Иногда вообще поплавков и грузиков нет, а мормышки опускают в лунку на нужную глубину и начинают подёргивать. Рыбы видят дёрганье, заинтересованно подплывают, хотят наживку отобрать у мормышек, и клюют. А хищные щуки, судаки и окуни хватают прямо с мормышками. Они думают, что это мальки.

У наших отцов все снасти всегда в порядке. Есть и пешни, и складные стульчики, чтобы удобно сидеть у лунок, и особые ящички на полозьях, с удочками и запасными снастями. И большие термосы с чаем, чтобы перекусывать, если проголодаешься.

В воскресенье мы приезжаем на залив очень рано, когда еще почти ночь. И долго идём по льду, наверное час. Когда рассветает, берегов не видно, потому что вокруг всё белое от снега. Если смотреть вдоль наших следов, то очень далеко еле-еле виднеется наш автобус. Он такой маленький, словно игрушечный. Вокруг автобуса ходит крошечный человечек. Это шофёр дядя Миша, который не пошел с нами, а решил половить поближе, у берега. Отец говорит, что мы пришли на ту самую каменную банку, где мы ловили летом с десантной лодки. И что здесь много рыбы.

Как только мы приходим на место лова, сразу прилетают несколько серых попрошаек – ворон. Они рассаживаются неподалёку и ждут. В их компанию затесалась большая морская чайка, которую вороны все время пытаются отогнать. Но чайка на вороны уговоры не поддается; видно, что очень

голодная.

Наши отцы берут по пешне и умело бьют ими по льду. Лёд не очень толстый, поэтому лунки пробиваются быстро. Лунок делается несколько, чтобы искать рыбу. И для нас тоже пробиваются. Мы можем ловить в любой свободной лунке. Но этих самых свободных лунок совсем мало, потому что отцы почти все лунки уже заняли своими снастями. Лунки они пробили так, чтобы видеть сразу несколько, и, если будет поклёвка, сразу подбежать. В самых близких лунках отцы «мормышат», то есть ловят мормышками. А ещё блеснят, подвешивая на леску тяжёлые зимние блесны.

Дядя Петя показывает нам, как сделать, чтобы лунка не замёрзла. Он даёт нам по специальному черпачку. Черпачок похож на большую ложку для супа, с дырками для прохода воды. Когда мороз начинает затягивать лунку льдом, надо черпачком этот новый тонкий ледок вычерпать. И тогда леска не примерзает.

На мотыля и красную икру. Глубина над каменной банкой небольшая, около трёх метров, поэтому мы с Сашкой справляемся со своими удочками уверенно. На наших удочках подвязаны по две мормышки, внизу – золотая, а над ней – серебряная. Мормышки наживляем мотылями и опускаем в лунки. Как только лески слабеют, это значит, что наживка достигла дна. Тогда мы чуть-чуть приподнимаем лески и пристегиваем поплавки. Всё готово. Остается только ждать.

А у отцов уже всюю клюёт. Мы видим, как они одну за

другой вытягивают разных рыб. Окуней, плотву и подлещиков. Пока не крупных. Отцы подсекают, потом бросают удочку на лёд, хватают леску руками и, быстро перебирая её, вытаскивают на лёд очередную добычу. Отцепляют, снова наживляют мотылей и опускают в лунку.

Когда в клёве наступает затишье, перекуривают. Достают портсигары с папиросами и вежливо предлагают друг другу. Нам смешно, потому что папиросы одинаковые. И мой отец, и дядя Петя курят только «Беломорканал» фабрики имени революционерки Крупской. Нам все говорят, что курить вредно, но почему же тогда курительную фабрику, капля никотина из которой убивает лошадь, назвали в честь верной жены Владимира Ильича? Мы не знаем, курил ли Ленин, но решаем, что Надежда Константиновна уж точно табачком баловалась. Когда мы вырастем, мы тоже будем курить «Беломор», потому что нам надо брать пример с выдающихся революционеров. И революционерок. Когда мы сообщаем свои мысли отцам, те смеются и объясняют, что мы перепутали папиросы с конфетами: «Беломорканал» выпускает фабрика имени революционера Урицкого, а фабрика имени Крупской делает прекрасные шоколадные конфеты. И мы понимаем свою ошибку, но, если разобраться, то ведь Урицкий – тоже революционер, и с него всем надо брать пример, в том числе и по поводу его революционного курения.

Вот и у нас клюёт. Поплавки дёргаются, мы одновременно подсекаем и с удовольствием ощущаем рыбы толчки. Хва-

таем лески и, перебирая руками, вытаскиваем на лёд окуней. Они очень красивые. Чёрно-зелёные, с яркими красными плавниками. Окунь бьётся на льду, стараясь упрыгать обратно в лунку, но скоро замирают на морозе, засыпают и коченеют.

Через какое-то время клёв потихоньку слабеет, а потом совсем замирает. Отец говорит, что подошли щуки или судаки, а остальные рыбы испугались и спрятались. Поэтому он начинает блеснить. И правда, скоро выволакивает на лёд крупную щуку. Не такую большую, какую он убил из ружья весной, но тоже очень красивую. Безмен показывает около трёх килограммов.

Снова начинает клевать рыба. Но большие рыбы не клюют. Тогда дядя Петя с отцом хитро перемигиваются и вынимают маленькие круглые железные коробочки. И зовут нас. Когда коробочки открываются, то становятся видны яркие оранжевые шарики. Это красная икра. Мы с Сашкой один раз видели красную икру, на празднике. И даже пробовали её. Мамы нам намазали по бутерброду. Она до того вкусная, что прямо тает во рту. Мы тут же решаем, что будем перекусывать бутербродами с икрой и сладким крепким чаем из отцовских термосов. И радостно облизываемся. Однако отцы берут по несколько икринок и... насаживают на крючки!... Вот это да! Такую редкую человеческую еду да на крючок!... Но отцы объясняют, опуская икранные мормышки в лунку, что на красную икру рыба берёт более охотно, и мож-

но поймать крупных. И дают нам немного икры. Когда мы насаживаем, то видим, что икра твёрдая, и прокалывается с трудом. Оказывается, её перед рыбалкой специально выдерживают, чтобы она как бы «засахарилась». И лучше держалась на крючке.

На икру рыбы клюют, как бешеные. Особенно стараются окуни. Нам с Сашкой даже некогда посмотреть, что там ловится у отцов. Иногда мы вытаскиваем на лед сразу по две рыбины. Подходят и клюют и другие рыбы. Сашка выуживает очень хорошего леща, а я первый раз в жизни вылавливаю судака. Небольшого, меньше килограмма, но очень красивого! С тёмной спинкой, голубовато-серебристыми боками, на которых с трудом просматриваются тёмные поперечные полосы. И с острым плавником на спине, о который я больно укалываюсь, когда вынимаю из пасти крючок.

А потом подходит стая очень крупных окуней, прямо гигантов. Они сразу отгоняют от мормышек других рыб и начинают пировать. И мы их ловим до тех пор, пока не кончатся икринки. Когда мы заканчиваем ловить совсем, то обнаруживаем, что у наших лунок целые кучи рыбы. И у лунок отцов кучи, но гораздо больше наших. Тут и крупные окуни, и судаки, и несколько хороших лещей. А плотву и густеру мы вообще даже не пересчитываем, так её много. Долго и немного устало складываем всё это рыбное богатство по рюкзакам и в отцовские ящики. Всю мелкую рыбу оставляем лисам и воронам. Чайка и вороны давно помирились, и поти-

хоньку подбираются поближе, но хватать рыбу боятся; ждут, когда мы уйдём. Иногда хрипло каркают. От нетерпения. Им зимой голодно живётся, вот и пусть маленько перекусят.

Пока мы собираемся, незаметно вечереет, небо затягивается тучами, поднимается злой холодный ветерок, который пытается залезть в щёлочки нашей одежды, поближе к потным телам. Пора отправляться к автобусу.

Мы очень устали, поэтому всю дорогу до самого дома спим.

Глава четвёртая. Индейцы, хулиганы и кладоискатели

Смертельное испытание. Весной мы с Сашкой, почувствовав себя совсем взрослыми шестилетними парнями, начинаем потихоньку выбираться с территории училища, смыкаясь через дырки в заборах. Этих дырок вполне хватает, мы даже выбираем, в зависимости от того, в какую сторону направляемся.

Мы знакомимся с другими мальчишками, живущими в домах поблизости. Больше всего детей офицеров и служащих нашего училища. Есть и другие, но их меньше. У ребят давно сложилась компания, в которой верховодят большие мальчишки, которые уже учатся в школе. Самый главный – Толян, он на целую голову выше всех. Толян не из флотской семьи, он второй год сидит в третьем классе, курит, красиво сплёвывая длинными плевками, и разбирается вообще во всём, как взрослый.

Когда ребята узнают, что я сын начальника училища, то сначала не хотят брать нас с Сашкой в свою компанию. Но потом Толян решает, что вообще-то все равны, и что надо испытать меня по-индейски, и, если я выдержу, то принять. Мы всей ватагой идём на поле за училищем, где с самой войны ржавеет фашистский танк, раздолбанный нашими снарядами. К гусенице танка прислонена старая деревянная дверь.

Меня ставят спиной к двери и привязывают руки верёвками к танковым колесам. Потом трое самых больших ребят ныряют в люк и достают оттуда луки и стрелы. Луки большие, тугие, с тетивой из крепкой вощёной верёвки. Мы с Сашкой таких никогда не делали; наши слабые луки метали кривоватые стрелы совсем недалеко и неточно. А у здешних ребят стрелы очень ровные, и на концах поблескивают настоящие металлические наконечники. Как потом оказывается, мальчишки делают наконечники из консервных банок, аккуратно сворачивая жёсть конусом.

Начитавшись романов Фенимора Купера, компания решает испытать меня стрелами. Оказывается, все они в своё время уже прошли подобное испытание, даже Толян. Он объясняет мне, что весь фокус в том, чтобы воткнуть стрелы как можно ближе к моему телу и голове. Будут стрелять только самые опытные стрелки, поэтому мне не нужно бояться. А другие ребята будут следить, закрою ли я глаза или нет. Если закрою или заплачу, то меня в компанию нипочём не возьмут. Потом также испытают Сашку.

Я сильно сомневаюсь, выдержу ли. А вдруг кто-нибудь промахнётся и засадит стрелу в глаз? Как же я потом дома-то покажусь?

Вот первый стрелок располагается напротив, метрах в пяти, и красиво растягивает тетиву, до самого уха. Наконечник стрелы направлен мне в лицо. Мурашки страха быстро разбегаются по моему телу, догоняя ручейки холодного по-

та. Только бы не зажмуриться! А хочется вообще удрать по-дальше. И зачем я только согласился?...

Стрела летит настолько быстро, что я не успеваю ни зажмуриться, ни заорать. И вот она уже дрожит над моим левым плечом. Вся компания громкими криками выражает удовольствие меткой стрельбой. За первым стрелком выходит второй. Это высокий и худой парень по кличке Кудрявый. Странная кличка, потому что голова его подстрижена на «ноль». Он занимает место на два метра дальше первого. Стрела Кудрявого впиивается у правого моего уха, чуть не пригвоздив его к доске.

Третьим стреляет сам Толян. Он отходит ещё дальше Кудрявого, шагов на пять. Растянутый на доске, в полуобморочном состоянии, я понимаю, что вот сейчас прилетит моя смерть, однако стараюсь держаться по-мужски, из последних сил. Стрела Толяна летит прямо мне в лоб. Совершенно не сознавая, что делаю, я ору навстречу ей самые «последние» слова. И все смеются, потому что стрела уже торчит над моей головой, а я всё ещё продолжаю орать.

Меня отвязывают и поздравляют, потому что испытание я прошёл. Потом привязывают и испытывают Сашку, но в него стреляют только двое первых лучников. Толян не стреляет; ему с нами всё ясно. Пока Сашку «расстреливают», Толян интересуется, откуда у меня шрам на подбородке. Все ещё дрожа от страха, я вру ему страшную историю про нападение кабана, на охоте с отцом. Наверное, я очень правдиво вру,

потому что Толян слушает, раскрыв рот.

Хулиганье. Компания, в которую мы с Сашкой вошли, насчитывает десять мальчишек, от шести до одиннадцати лет. Нам везёт, что она состоит в основном из нормальных пацанов, у которых есть родители и жильё. Мы могли попасть в другую компанию, ведущую чисто воровскую жизнь. Таких компаний в послевоенном городе хватает. Без родителей, без жилья, озлобленные на весь свет, проворные и закалённые мальчишки обитают в развалинах немецких домов, а «работают» на городском рынке, на железнодорожном вокзале, на товарной станции, у кинотеатра, в «Семипалатинске» и в других местах, где скапливается городской люд. Некоторыми компаниями руководят настоящие взрослые воры.

Мы же, во главе с Толяном, каждый день собираемся на пустыре за училищем, стреляем из луков, воображая себя индейцами, делаем деревянные мечи и сражаемся ими, нанося друг другу нешуточные синяки и ссадины. У всех мальчишек великолепные рогатки, сделанные из эластичной резины, которую мы называем «авиационной». День обычно начинается поисками пригодных для стрельбы из рогаток камешков. Только набив ими карманы, мы идём дальше, к новым подвигам.

Поскольку почти все наши отцы служат в училище, а мы в поисках приключений крутимся вокруг, то наша компания носит название «Училищная». Конечно, время от времени

мы совершаем рейды в глубину города, но это довольно опасно, можно встретиться с другими пацанами, более взрослыми.

Рядом с нами располагается компания полу-беспризорных ребят под названием «Семипалатинская». Она не даёт нам подходить к ларькам, а мы, в свою очередь, прогоняем их с территории училища. Дело в том, что мы с Сашкой, чтобы завоевать доверие новых товарищей, почти сразу показываем им все тайные ходы, ведущие в училище. И мы, все вместе, много времени проводим или на стрельбище, или у бассейна, или на крыше клуба. Если крутят военный фильм, мы сидим на полу перед первым рядом, орём и хлопаем, когда наши побеждают. Особенно часто показывают фильмы «Чапаев» и «Подвиг разведчика». Мы выходим после этих фильмов под таким впечатлением, что потом несколько дней играем в разведчиков, или в Чапаева, разделяясь по жребию на белых и красных. Иногда крутят фильмы про Ленина, как он жил и работал в октябре и в восемнадцатом году, и как у него все время сбегало молоко на кухне. Но эти фильмы нас не возбуждают, хотя мы и их тоже смотрим с удовольствием.

Когда «семипалатинские» пытаются проникнуть в училище, возникают целые сражения. Обычно враги лезут через забор у стрельбища или у свалки мусора, где большая дыра. Сначала самый маленький шкет из их ватаги забирается на забор и начинает над нами издеваться, всячески обзываясь, плюя в нашу сторону и делая непристойные жесты. Осталь-

ные члены банды высовываются и лыбятся из-за забора. Особенно часто шкет обзывает нас «маменькиными сынками». Это обидно, и мы отвечаем прицельной стрельбой из рогаток. Тогда вынимают рогатки и «семипалатинские». Стрельба с переменным успехом идет до тех пор, пока не заканчиваются боеприпасы.

Как правило, на этом всё и заканчивается, но в один прекрасный день враги вдруг начинают перелезать через забор и прыгать на нашу территорию. Все они вооружены крепкими палками. Предвидя такой вариант заранее, Толян давно уже велел нам собрать приличные кучи камней для метания, а также держать наши луки, деревянные мечи и копья наготове. Поэтому мы встречаем вражескую вылазку во всеоружии. Выведя трех врагов из строя меткими бросками камней, мы дружно натягиваем луки.

«Семипалатинские», не ожидая такого отпора со стороны «маменькиных сынков», останавливаются. Они растерянно стоят всего метрах в десяти от нас. У предводителя хлещет кровь из рассеченной нашим камнем брови, но он не обращает на это внимания. Их шесть против десяти, и они поворачивают вспять. Оказавшись за забором, «семипалатинские» снова начинают дразниться, а мы, окончательно поверив в свои силы, смеёмся и радуемся победе, и, перебивая друг друга, хвастаемся, рассказывая, кто в кого попал. Мне в этом сражении удастся вывести из строя того самого задиристого шкета, залепив ему куском кирпича в голову. Так,

что он валится с забора на ту сторону.

После нашей победы «семипалатинские» больше не пытаются проникнуть на территорию училища. Вскоре их группировка распадается, потому что ларьки «Семипалатинска» сносят, а на их месте разбивают красивый сквер и сооружают фонтан.

Ножички. Вся наша компания мастерски играет в ножички, и мы посвящаем этому много времени, оттачивая мастерство до профессионального уровня. Играем в три главные игры. Во-первых, это броски в цель. Во-вторых, втыкание ножей в землю с различных частей своего тела. И в-третьих, борьба в круге.

У каждого члена нашей коуды минимум по два ножа. Маленький перочинный, со многими лезвиями, ножничками, отвертками, открывашками, шильями и штопорами. И чем больше всяких приспособ, тем ножичек ценнее.

Второй нож посерьёзнее. Это или финка с наборной ручкой у ребят постарше, или – как у нас с Сашкой – кое-как обработанные напильником столовые ножи, стащенные на кухне у бабушек. С деревянной самодельной рукояткой. Самая красивая финка – у Толяна. Рукоятка её набрана из разноцветных полупрозрачных кусочков пластмассы, обточена напильником и отшлифована. Клинок финки с канавками для стока крови. Страшное оружие, и мы с Сашкой всегда с уважением рассматриваем Толькин нож. Показывая остроту финки, Толян прикладывает лезвие к ладони, и объясняет,

что оно как раз такой длины, чтобы достать до сердца врага. Если понадобится.

Вот эти-то большие ножи мы и бросаем в цель. Обычно в ствол дерева, или в дверь, или в доску какого-нибудь забора. Надо, чтобы нож в полете несколько раз крутанулся, а потом воткнулся как можно глубже. А это очень трудно. Большие мальчишки, которые давно тренируются, метают ножи очень красиво, с разных расстояний и из любых положений: сверху, снизу, из-под колена, держа за кончик, лезвием вперед и лезвием назад... А мы с Сашкой только учимся, но, поскольку занимаемся этим всё свободное время, то быстро продвигаемся в этой необходимейшей настоящему пацану науке.

Второй вариант игры, при его умелом исполнении, немножко смахивает на цирковое представление. Те, кто играет, садятся в кружок на земле. Бросают по очереди, или каждый своим ножом, или все только одним чьим-то ножом, по договоренности. Существует масса разновидностей этой игры, но мы предпочитаем играть долгую «классику». Тот, кто начинает, берет нож за рукоятку и просто втыкает его в землю, чтобы нож маленько пролетел по воздуху, не вращаясь. Это самый простой бросок. Если нож воткнулся, то тот же играющий выполняет следующий бросок, посложнее. Надо поставить нож острием на подушку большого пальца левой руки, и бросить так, чтобы нож, прокрутившись только один раз, воткнулся в землю. Потом то же самое с указательного пальца. И так, последовательно, с каждого пальца

левой руки. Потом с ладони. С запястья. С локтя. С плеча. Переходим на правую руку и проделываем с ней то же самое. Затем – ноги. Левая нога: с колена и с носка. Правая нога – то же самое. Встаём на колени. От живота. От груди. От шеи. С подбородка. Далее – нос и голова. А вот зубы и лоб – это особая статья! Эти броски исполняются по-другому. Большим пальцем правой руки лезвие ножа прижимается кончиком к обратной стороне зубов верхней челюсти. Рот при этой процедуре, конечно же, широко раскрыт. Резким толчком большого пальца нож посылается от себя вперёд и вниз таким образом, чтобы он вонзился в землю. На передних зубах от острого металла иногда появляется щербинка, но ведь это такая ерунда! Очень похоже проделывается и со лба, только лезвие прижимается ко лбу всеми пальцами руки, а бросок совершается в сторону своего лица и вниз. Это самый опасный бросок. От него бывают царапины на носу и на других частях лица. Заканчивается игра броском с полного роста. Довольный играющий, дошедший до финала, встаёт, берёт нож за кончик лезвия и втыкает в землю с одним проворотом в воздухе. Это тоже простой бросок.

Первый играющий бросает до тех пор, пока не промажет. Тогда нож переходит к другому игроку. Вся компания внимательно следит, на каком этапе игрок промахнётся, и, если игра снова дойдет до него, не даёт ему «смухлевать», заставляя продолжить броски с невыполненного положения. Но очередь до неудачника ещё раз почти никогда не доходит,

потому что в нашей компании есть настоящие мастера. Самый лучший – Толян. Если нож попадает к нему в руки, для остальных игра кончается. Остаётся только следить и восхищаться изумительной ловкостью рук нашего предводителя.

Игра в круге проста, но тоже интересна. Играют двое. На ровной плотной земле, без травы, вычерчивается большой круг, величина которого зависит от взаимной договоренности игроков. Затем круг разделяется прямой чертой ровно пополам, и двое играющих, вооружённых ножами, занимают свои половинки. Это их территории. По очереди, стоя на своей земле и не касаясь границ, они бросают ножи, втыкая их в территорию противника, с одним проворотом в воздухе. Если нож воткнулся, то по направлению воткнувшегося лезвия проводится черта, разделяющая территорию противника на две части. Меньшая часть переходит во владение бросавшего. Это – завоёванная земля. Между своей землёй и завоёванной частью граница стирается. Игра продолжается до тех пор, пока менее удачливый противник в состоянии стоять, хотя бы одной ногой, на кусочке своей земли. И порой бывает очень смешно наблюдать, как один из игроков старается сохранить равновесие на крошечной частичке оставшейся у него территории. А ведь ему надо ещё нагнуться, взять нож, выполнить бросок, провести черту...

Все эти упражнения делают нас ловкими, добавляют смелости, точности движений, укрепляют мышцы. Ни у кого из нас нет животов и в помине. Над толстыми детьми мы сме-

ёмся, обзывая их «жиртрестами» и «жирнягами». Однако и толстых детей надо ещё поискать. Их почти нет.

«Фашистский» трамвай. В солнечные дни мы всей компанией забираемся на крышу клуба, загораем, режемся в карты, в фантики, в пристеночку, некоторые курят. Обсуждаем фильмы, прочитанные книги. Все мы, без исключения, хотим стать моряками, лётчиками, танкистами, разведчиками или великими путешественниками. Тут же происходит обмен патронами, значками, монетами, марками, открытками, фантиками, ножичками и всякими другими интереснейшими вещами.

Здесь, на крыше, мы с Сашкой быстро ликвидируем карточный пробел, освоив «Подкидного» и «Переводного дурачка», «Пятки», «Акулину», «Девятку» и «Козла». Обучившись начальной премудрости, мы плавно переходим к более азартным: «Очку», «Буре» и «Секе». Для наших домашних всё это остается в глубокой тайне. Мы не подаем вида, какие мы распрекрасные картёжники. Дома мы играем только в шахматы и домино. А ещё в шашки, научившись играть в замечательную игру «Чапаев».

Однажды, когда мы посмотрели захватывающий фильм про партизан, Толян говорит, что нам пора переходить к военным действиям. И предлагает такое, от чего у всей нашей компании вытягиваются лица. Толян предлагает... «завалить» трамвай, который ходит по Советскому проспекту. Как будто это фашистский железнодорожный состав с воен-

ной техникой, идущий на фронт.

Трофейные немецкие трамваи под номером «1» проходят по Советскому проспекту редко, примерно раз в полчаса. Звон, скрежет и погромыхивание на стыках рельсов от передвижения вагонов слышны издали. В дневное время вагоны почти пусты. Только строгая кондукторша с большой сумкой дремлет на своем месте. Позади прицепного вагона болтается металлическая штука, предназначенная для буксировки третьего вагона, который никогда не прицепляют. Это «колбаса» – мечта каждого мальчишки. На ней обязательно нужно прокатиться, хотя бы раз в жизни. У паренька в любой компании авторитет сильно падает, если он ни разу не повисит на «колбасе».

Трамвайные вагоны небольшие и узкие. Рельсы проложены очень близко пара к паре. Провода, по которым подаётся электричество, и к которым прикасаются трамвайные дуги, крепятся к мощным металлическим столбам-трубам, тоже немецкого производства. Эти, похожие на мачты, столбы располагаются ровно посередине между парами рельсов. Поэтому высовываться из открытых окон вагона в сторону столбов смертельно опасно. Все мы хорошо знаем недавний трагический случай с офицером – ветераном войны. Геройски провоевавший всю войну без единого ранения, дошедший до Берлина офицер высунулся из окна чуть дальше обычного. Удар о столб был такой силы, что голова буквально раскололась на мелкие кусочки...

Отступать, когда сам главарь Толян предлагает отомстить фашистским трамваям за смерть героя ветерана, спустив один из немецких вагонов с рельсов, нельзя, поэтому мы дружно соглашаемся. Но как всё это проделать?!

Раньше, играя, мы подкладывали на рельсы – под трамвайные колёса – гвозди и обрезки свинцовых труб. Сплющенный свинец годился для рыболовных грузил, а гвозди, если их расположить вдоль по рельсу, превращались в плоские и изящные мечи и сабельки для вооружения наших игрушечных армий. Когда колёса плющили гвозди и свинец, вагон совершенно не подскакивал, даже не сотрясался. Что же нужно сунуть под колёса, чтобы вагон сошел с рельсов? Надо что-то большое, кирпич или булыжник, но ведь внимательный вагоновожатый непременно увидит этот предмет на рельсах... И сообразительный Толян додумывается до нужного решения. Кому-то из нас, самому смелому и сильному, надо, проехав пару перегонов на «колбасе», соскочить с неё на остановке и подсунуть под переднее колесо металлический трак от брошенного на пустыре танка. Тогда вагоновожатый не увидит. А после того, как вагон сойдет с рельсов, мы все обстреляем вагонные стёкла, окончательно превращая фашистскую технику в обломки. Кстати, «трак» – это металлическая, очень тяжелая штукovina, из которых состоит танковая гусеница.

План хорош, и вся наша кодла его одобряет. Тем более, что наши люди не пострадают, а достанется только немец-

ко-фашистскому вагону. И мы немедленно приступаем к осуществлению плана.

Кататься на «колбасе» и подкладывать тяжёлый трак выпадает Вовке Селивёрстову, сильному второкласснику, побеждавшему в тренировочной борьбе любого из нас, даже Толяна. Мы затаиваемся в развалинах у остановки трамвая на перекрестке Советского проспекта и улицы Почтовой. В случае чего из этих развалин легко удрать через заросший сад на соседнюю улицу. Вовка прячется в кустах за три остановки до нас. Мы вооружены мощными рогатками. В качестве боеприпасов в этот раз у нас приготовлены свинцовые шарики, которые мы изготавливаем из кусочков свинца, обстукивая их молотком.

Будний день. Около одиннадцати часов. На улицах ни души, все на работе. Самое то, что надо. Ждём. Нас с Сашкой, как самых маленьких, слегка бьет нервная дрожь. Мы все понимаем, что идём на преступление, но очень хочется отомстить фашистам, пусть даже и через шесть лет после войны. В семье каждого из нашей компании есть родственники, не вернувшиеся с войны или умершие от голода и лишений. И мы вдруг забываем, что войны нет, и превращаемся во всамделишных партизан, и как будто вправду ждём фашистский эшелон, сжимая в руках верные рогатки.

Ещё издали слышим скрежет приближающегося трамвая. К «колбасе» лепится маленькая фигурка Вовки. На его голове одета кепка, для скрытности. Он с трудом удерживает

тяжёлый трак, положив его сверху на «колбасу». Вот трамвай со звоном останавливается на нашей остановке. Из вагона никто не выходит, некому. Вовка, схватив трак и проходя как можно ближе к вагонному боку со стороны столбов, подкладывает трак под левое переднее колесо. Затем, втянув голову в плечи, перебегает улицу и ныряет в кусты. Всё, дело сделано. Мы натягиваем рогатки и ждем команду Толяна.

Вагоновожатый звонит и крутит ручку. Вагоны трогаются и тут же, наткнувшись колесом на трак, замедляют ход и останавливаются. И до нас доходит, что скорость трамвая слишком мала, и он нипочём с рельсов не сойдёт! Вагоновожатый встаёт посмотреть, что случилось. И кондукторша встаёт. В это время Толян орет, ну точно, как в кино:

— По фашистским гадам огонь!

Мы бьём свинцом по окнам «фашистского эшелона». Расстояние невелико, с рогатками мы управляемся прекрасно, поэтому стекла со звоном лопаются. Кондукторша визгливо кричит, а вагоновожатый мгновенно падает на пол. Видно, что он раньше воевал.

Мы выпускаем, как и было заранее условлено, по пять свинцовых шариков и смыаемся. Выскочив через сад на соседнюю улицу, разбегаемся по домам, где очень тихо сидим, притворяясь пайньками. Даже помогаем мамам и бабулям по дому...

Вечером отец рассказывает за ужином, что днём было совершено бандитское нападение на трамвай. Бандиты стреля-

ли из развалин каким-то нестандартным оружием, очевидно, самодельным. Почти все стекла в вагоне выбиты. Вагоновожатый и кондукторша чудом остались в живых. Милиция оцепила район и ищет бандитов в развалинах. И ни отец, ни мать, ни бабуля и представить себе не могут, что один из этих страшных «бандитов» сидит рядом и с замиранием сердца слушает отца.

Бандитов в развалинах так и не находят, а курсантов в увольнение отпускают только с палашами. Отец рассказывает, что сразу после войны, когда училище только начинало строиться, в подвалах разрушенных домов прятались небольшие группы недобитых фашистов. Ночью они выбирались на поверхность и нападали на прохожих. И с ними серьёзно сражались специальные войска и милиция. А ещё, когда поезда из Калининграда шли по территории Литвы, то вагоны обстреливались «зелеными братьями». Это стреляли тоже недобитые литовские фашисты, прячущиеся по лесам. Но вот уже несколько лет, как бандитов всех повыловили или перестреляли, поэтому нападение на трамвай через шесть лет после войны какое-то уж очень странное.

Через несколько дней, когда всё успокаивается, наша компания собирается на пустыре в полном составе. Мы сидим у небольшого костерка и долго молчим. Говорить не хочется. Все мы понимаем, что таким образом мстить давно исчезнувшему с нашей земли фашистам – настоящий идиотизм. Как мы могли так поступить?... И потихоньку начинаем об-

суждать, чем бы нам заняться дальше, в теперешней мирной обстановке. И решаем искать клады.

Железный лом. Убегая из Кёнигсберга, многие немецкие семьи прятали своё добро в подвалах, на чердаках, зарывали в садах. И сразу после войны в городе появляются люди, которые ищут зарытое немецкое имущество. И оружие. Мы знаем, что некоторым очень везёт, и они находят старинный фарфор, дорогие украшения, монеты. Мы также хорошо знаем, что при раскопках «кладоискателей» часто заваливает кирпичами, а попав на мины, они взрываются, но всё равно нам это жутко интересно! Вдруг мы найдём знаменитую «Янтарную комнату», похищенную фашистами из Петергофа и спрятанную где-то здесь? Вернём её государству и прославимся!

Толян совершенно точно выясняет, что клады – по закону – надо сдавать государству, и что от государства тому, кто клад сдаст, положена награда. Это, конечно, всем понятно, но мы думаем, что некоторые вещи, особенно понравившиеся, можно ведь и утаить, не обязательно же всё сдавать.

Для начала решаем осмотреть хорошо известные нам подвалы в знакомых развалинах. В них мы прячемся во время военных игр, но далеко внутрь не лезем, боясь темноты и вражеско-немецкой неизвестности. И сразу перед нами встает почти непреодолимая проблема темноты. Как разогнать крошечный мрак подземелий, если на всю нашу десятку есть только один слабый фонарик у Толяна? Светить обрывками

газет, без конца поджигая их спичками? Быстро надоеет, да и спичек не напасёшься. Свечки задует при движении. Факелы мы делать не умеем. Спрашивать фонарики дома? Родители сразу поймут, что мы затееваем очередную афёру... Нам надо три – четыре хороших электрических фонарика с запасными лампочками и батарейками. Идём в магазин и прицениваемся. Всё это тянет рублей на пятнадцать. Для нас это большие деньги. Считаем по карманам наличку. Набирается всего три рубля мелочи. Недостаёт двенадцати...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.